

ПОЛТАВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦИАЛЬНАЯ.

1891 года. № 5-й. Марта 1.

ЩОУЧЕНІЕ

въ день Срѣтенія Господня *).

Въ нынѣшній день Православная Церковь наша празднуетъ то событіе изъ земной жизни Господа нашего Иисуса Христа, когда Онъ въ сороковый день отъ своего рожденія принесенъ былъ своею Пречистою Матерію во храмъ Іерусалимскій и тамъ былъ встрѣченъ Праведнымъ Симеономъ, отъ чего и самый праздникъ получилъ названіе Срѣтенія Господня. Праздникъ этотъ для васъ, прихожанъ храма сего, важенъ вдвойнѣ, потому что мы вмѣстѣ съ празднованіемъ Срѣтенія Господня празднуемъ и свой храмовой праздникъ.

Привѣтствуя васъ съ симъ праздникомъ, я желаю бы остановить ваше благочестивое вниманіе на предметъ праздника и его спасительныхъ для насъ урокахъ.

*) Произнесено въ Полтавской Срѣтенской церкви при архіерейскомъ служеніи 2-го истекшаго февраля.

По закону Моисееву, каждый перворожденный младенецъ мужескаго пола у евреевъ долженъ быть посвященъ Господу въ память первенцевъ ихъ, пощаженныхъ при избіеніи первенцевъ Египетскихъ, въ послѣднюю ночь при выходѣ ихъ изъ Египта. Чтобы увѣковѣчить въ народѣ еврейскомъ память о семъ благодѣяніи, Господь повелѣлъ являться предъ лице Свое каждому первенцу израильскому. Въ силу сего закона каждая мать родившая обязана была явиться въ сороковый день въ храмъ, чтобы отъ священника принять очистительную молитву для себя и рожденнаго представить предъ Господемъ. При этомъ родители обязаны были искупить рожденнаго *малымъ количествомъ серебра и жертвами животныхъ*. Пресвятая Дѣва Марія, какъ зачавшая отъ Духа Святаго и родившая святѣйшаго Сына, не подлежала этому закону очищенія; но, какъ смиренная раба Господня и истинная израильтянка, она выполняетъ этотъ законъ— въ 40-й день по Рождествѣ Христовомъ приходитъ изъ Вифлеема въ Иерусалимъ, дабы во храмѣ Божіемъ поставить предъ Богомъ Перворожденнаго всей твари и искупить Искушителя міра цѣною двухъ голубиныхъ. Ясно, что какъ причина, такъ и цѣль сего закона о первенцахъ нисколько не касались Богомладенца Иисуса. Какъ Сынъ Божій, Онъ совершенно былъ свободенъ отъ закона сыновъ человѣческихъ. И однакожь, онъ исполняется на Немъ со всею точностію.

Такъ Онъ поступалъ во всю жизнь свою,—исполнялъ предписанія закона не только нравственнаго, но и обрядоваго, и тѣмъ далъ всѣмъ намъ примѣръ въ точности выполнять всѣ существующіе законы и постановленія. Если же самъ Законодатель, давшій законъ людямъ исполняетъ его съ такою точностію, то кто же изъ насъ въ правѣ отговариваться отъ исполненія требованій за-

кона по какимъ бы то ни было причинамъ? Что напр. можемъ мы представить въ свое оправданіе въ томъ, что мы мало, рѣдко и неохотно ходимъ въ Храмъ Божій во дни воскресные и праздничные? Кто далъ намъ право произвольно истолковывать смыслъ и значеніе законовъ и постановленій церковныхъ?—Кто считаетъ обрядовыя обязанности вѣры малозначущими обязанностями, тотъ пусть со вниманіемъ посмотритъ, какъ строго относится къ нимъ Начальникъ нашего спасенія Іисусъ Христосъ. Не смотря на то, что отъ Вифлеема до Іерусалима нужно было пройти пятнадцативерстное разстояніе, Матерь Божія совершаетъ это не легкое путешествіе, чтобы исполнить обрядовый законъ очищенія. Простительно ли послѣ этого намъ, живущимъ иногда въ нѣсколькихъ шагахъ отъ храма, придумывать разные предлоги къ нехожденію въ храмъ и вообще отвергать ту или иную сторону въ религіозныхъ нашихъ постановленіяхъ, или извѣснять ее по своему? Кто истинно преданъ своей религіи, тотъ не станетъ разбирать тѣхъ средствъ, которыя она употребляетъ для приведенія своихъ послѣдователей къ Богу, ибо знаетъ, что Отецъ Небесный не подастъ намъ вмѣсто хлѣба камней. Что вы говорите, какъ ни судите, по во всемъ этомъ нельзя не замѣтить нашей холодности къ обязанностямъ вѣры, неуваженія къ постановленіямъ Св. Церкви, а вмѣстѣ съ симъ и недостатка любви къ самому Богу. Кто искренно любитъ Бога, ищетъ Его любви и увѣренъ, что только чрезъ исполненіе Его заповѣдей возможно этого достигнуть, тотъ употребитъ всѣ средства, чтобы осуществить свое желаніе. Такой христіанинъ не станетъ пренебрегать самыми мельчайшими требованіями закона и не задумается ни предъ какими затрудненіями при исполненіи ихъ. Достаточно будетъ указать въ сегодняшнемъ праз-

дникѣ на примѣръ Божіей Матери со старцемъ Іосифомъ — Ея обрученикомъ. Зная, что только чрезъ исполненіе закона возможно испросить благословеніе Божіе для своего дитяти, они не обращаютъ никакого вниманія на трудности при исполненіи предписаннаго въ законѣ обряда очищенія. И дѣйствительно, гдѣ больше изливается благословеній Божіихъ на насъ и на дѣтей нашихъ, какъ не во храмѣ Божіемъ. Хотя Богъ вездѣсущъ, но во храмѣ особенное присутствіе Его; здѣсь Онъ особенно близокъ къ намъ; здѣсь Онъ особенно щедро раздаетъ свои милости. Сюда-то и нужно спѣшить за милостями къ Нему; здѣсь слѣдуетъ преимущественно возносить родительскія молитвы о счастіи и благоденствіи дѣтей; здѣсь удобнѣе и умѣстнѣе молиться объ успѣхахъ ихъ въ ученіи, благонравіи и послушаніи, о преуспѣваніи ихъ въ вѣрѣ и благочестіи. Кто же думаетъ устроить счастіе дѣтей своихъ помимо Бога и св. Церкви, тотъ никогда того не достигнетъ. Такой мыслитель можетъ доставить дѣтямъ своимъ средства къ умственному развитію, дать имъ самое широкое образованіе; но безъ вѣры, безъ любви къ Богу все это будетъ непрочно, — такія дѣти никогда не могутъ быть счастливы и не будутъ утѣхою для родителей. Не отсюда ли, столь частыя въ наше время, жалобы отъ родителей на то, что дѣти не утѣшаютъ ихъ, не смотря на большія затраты на ихъ образованіе? Не отъ того ли все это происходитъ, что родители не воспитываютъ своихъ дѣтей въ томъ единомъ, которое всякому человѣку на потребу, — не воспитываютъ въ нихъ христіанъ? Но какъ земля безъ дождя не дастъ плода, такъ и дѣти, на которыхъ не испрошено благословеніе Божіе, не дадутъ порадоваться о себѣ своимъ родителямъ. Кто хочетъ указать дѣтямъ своимъ путь къ счастію, тотъ пусть укажетъ имъ напередъ путь ко хра-

му Господню и уважаетъ не словами только, но и самымъ дѣломъ, — своимъ примѣромъ.

Пока сердце дитяти чисто, не поросло еще терніемъ пороковъ, пока оно не потеряло способностей къ воспріятію всего хорошаго и святаго, — его нужно, какъ можно чаще, водить съ собою во храмъ для молитвы, дабы оно съ малыхъ лѣтъ приучалось къ молитвѣ, полюбило храмъ Божій и чрезъ то сдѣлалось бы само живымъ храмомъ Божиимъ. Ко всему, къ хорошему и дурному, люди больше съ малолѣтства приучаются. Не говорите, что дитя ваше мало, не понимаетъ службы церковной, что ему нечего дѣлать въ церкви. Если не понимаетъ умомъ, то понимаетъ сердцемъ, а что запечатлѣтся въ сердцѣ, то со временемъ отразится въ умѣ и принесетъ свой плодъ. Сердца дѣтей подобны доброй, воспріимчивой къ слову Божию, почвѣ, на которой наше дѣло сѣять; возраститъ же Самъ Господь І. Христосъ, другъ и покровитель дѣтей. Не нужно только откладывать это сѣяніе до болѣе зрѣлаго возраста, какъ дѣлаютъ это нѣкоторые родители, оправдывая себя въ этомъ случаѣ тѣмъ, что будто бы малыя дѣти не могутъ понять своимъ дѣтскимъ умомъ отвлеченныхъ истинъ о Богѣ. Напротивъ, съ самыхъ именно малыхъ лѣтъ и нужно засѣять нивы дѣтскихъ сердецъ, чтобы не дать имъ ни очерствѣть, ни зарости терніемъ.

Пусть же, отцы и матери, святое имя Господа нашего І. Христа всегда будетъ и на устахъ и въ сердцахъ вашихъ, когда вы обращаетесь съ дѣтьми съ самаго перваго начала ихъ воспитанія и до конца; пусть не только одними назиданіями, но какъ бы самымъ дыханіемъ, мыслию вкореняется это Святѣйшее имя въ юныхъ сердцахъ дѣтей вашихъ. Знакомьте ихъ въ простыхъ разсказахъ съ жизнію Христа Спасителя, чтобы всѣ поступки

свои дѣти соразмѣряли и сравнивали съ поступками Его; заставляйте ихъ читать Его ученіе, изложенное въ святомъ Евангеліи, чтобы эта книга живота не была для вашихъ дѣтей чуждою и новою, когда сама жизнь, такъ сказать, натолкнетъ ихъ на нее, но старымъ, дорогимъ и самымъ близкимъ ихъ другомъ; водите ихъ непустительно въ храмъ Божій, гдѣ они будутъ обучаться посредствомъ молитвословій, пѣснопѣвій и доступной ихъ дѣтскому пониманію проповѣди истинамъ вѣры и нравственности, — будутъ и тѣмъ дополнять обученіе закону Божію, начало котораго еще съ первымъ лепетомъ положила мать, а потомъ далѣе продолжаетъ уже въ школѣ священникъ-законоучитель.

Какъ пріятно чувствуется, когдаходишь изъ холода въ тепло, такъ пріятно и благотворно для души дитяти, когда его представляютъ въ храмъ предъ лице Божіе. Здѣсь тепло и пріятно душѣ всякаго христіанина. Сюда то неопустительно и нужно водить намъ своихъ дѣтей, какъ бы для отдыха послѣ недѣльнаго ихъ труда по школѣ и пріучать ихъ воздавать благодарность за все Тому, Кто помогалъ имъ въ школьныхъ успѣхахъ и Кто силенъ дать силы и средства къ развитію ума и сердца ихъ и въ будущемъ. — Аминь.

Священникъ *Григорій Боровскій*.

Женское образованіе въ Россіи *).

(Краткій историческій очеркъ).

Нынѣшній день — день чудеснаго избавленія отъ смертной опасности Государя нашего Императора Александра

*) Рѣчь, произнесенная на актѣ въ Полтавскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ 17-го октября 1890 года.

Александровича и Его Августѣйшаго Семейства, день, въ который вся земля русская возносить къ Господу Богу свои теплыя мольбы, да продлитъ Онъ, Всемиловитый, Царя нашего державны дни на многіе и многіе гды, во благо и славу Россіи,—день этотъ поистинѣ многознаменательный для всѣхъ россіянъ, для насъ, для нашего учебнаго заведенія имѣеть, сверхъ сего, еще и особенное значеніе: въ этотъ день, ровно 22 года тому назадъ, положено было здѣсь, въ стѣнахъ этого заведенія, начало учебному дѣлу. Сочеталось, такимъ образомъ, два событія: спасительное дѣло Промысла и ученіе—къ уразумѣнію этого спасительнаго дѣла. Запечатлѣмъ же покрѣпче сей великій и чудный день, сохранивъ о немъ вдвойнѣ благодарную память! А я, съ благословенія нашего Преосвященнѣйшаго Владыки, чтобы память эту сдѣлать живѣе и полнѣе, предложу вашему просвѣщенному вниманію коротенькую исторію того дѣла, плодами коего пользуемся нынѣ и мы, укрѣпляя свои духовныя силы. Дѣло это—женское образованіе въ Россіи: давно ли оно началось у насъ, когда и какъ, въ какой формѣ существовало, какими средствами держалось и къ чему было направлено—вотъ вопросы, коими я хочу занять нынѣ Ваше вниманіе.

Женское образованіе въ Россіи—дѣло давнее, и нѣтъ: въ смыслѣ государственнаго учрежденія, оно явилось сравнительно недавно, въ царствованіе Императрицы Екатерины II, и имѣеть не болѣе 126 лѣтъ отъ роду; но въ болѣе общемъ и широкомъ смыслѣ, въ смыслѣ простой грамотности, т. е. умѣнья читать и писать, оно имѣеть гораздо болѣе древнюю исторію. Нѣкоторые относятъ ея начало ко временамъ еще до Владиміра Св. Со времени же Владиміра, принявшаго въ 988 году христіанство изъ Византіи, грамотность усилилась; такъ что подъ

«образованностию» разумѣли не просто грамотность, т. е. умѣнье читать и писать, но и нѣкоторую начитанность въ божественныхъ книгахъ. Дѣти Владиміра, особенно Ярославъ, а также и внуки его, особенно Всеволодъ, были не просто грамотны, но и образованны по своему времени: Ярославъ, какъ извѣстно, любилъ читать божественныя книги и самъ переписывалъ ихъ; а Всеволодъ зналъ пять иностранныхъ языковъ, коимъ выучился, какъ говорить его знаменитый сынъ Владиміръ Мономахъ, «сидя дома». Съ Ярославомъ же переписывалась и его сестра Предслава, когда онъ княжилъ въ Новгородѣ, предупреждая его о злодѣйскихъ умыслахъ Святополка. Эту усиленную потребность книжнаго дѣла среди русскихъ вызвала новая, святая вѣра: въ ея интересахъ, для ея укрѣпленія и распространенія среди русскихъ, нужна была грамотность, книжное дѣло. Это видѣли уже первые наши великіе князья, и потому Владиміръ св., по словамъ лѣтописи, «повелѣлъ взимать у нарочитыхъ людей младыя дѣти и учить ихъ книжному писанію»; равно какъ и Ярославъ, «сбравъ отъ старостъ и пресвитеровъ дѣтей 300, повелѣлъ ихъ также учить книгамъ», и для этой цѣли въ 1025 году основалъ даже училище въ Новгородѣ—это первое русское учебное заведеніе. Нѣтъ серьезныхъ основаній подъ словомъ «дѣти» разумѣть тутъ однихъ мальчиковъ русскихъ, а не дѣтей обоего пола. Если наши первые великіе князья, заботясь о развитіи книжнаго дѣла среди русскихъ, имѣли главнымъ образомъ ту общую цѣль, «чтобы, по выраженію лѣтописи, мужи и жены вѣру христіанскую твердо держали, и поганскія вѣры не держали и не имѣли бы,—то они должны были обращать вниманіе на образованіе не только мальчиковъ, но и дѣвочекъ. Ибо для цѣлей улержденія новой Христовой вѣры и женщина

могла сослужить такую же почти службу, какъ и русскій мужчина, особливо женщина времени Владиміра и Ярослава. Она, вѣдь, тогда у насъ не была еще такимъ безправнымъ существомъ, какимъ явилась позже, съ XIII вѣка: она пользовалась не только уваженіемъ, но и нѣкоторою общественною равноправностью съ мужчиной: могла имѣть свои вѣдости, свою дружину; принимала участіе въ пирахъ и совѣтахъ князей, и проч.; а главное—вліяніе женщины въ семьѣ, не смотря даже на ея общественное положеніе, всегда было и будетъ, вѣроятно, сильнѣе мужчины. Поэтому, быть не можетъ, чтобы Владиміръ и Ярославъ исключали русскую женщину изъ своихъ просвѣтительныхъ заботъ, тѣмъ болѣе, что у нихъ на памяти еще живъ былъ образъ «мудрѣйшей русской женщины» — св. и равноапостольной княгини Ольги. Вотъ почему намъ думается, что и женщина русская участвовала, на ряду съ мужчиной, въ томъ общемъ просвѣтительномъ движеніи, которое началось у насъ со времени и для цѣлей христіанской вѣры. Въ этомъ же убѣждаетъ еще и слѣдующее соображеніе. Грамотность и книжное дѣло должны были сосредоточиться въ томъ классѣ общества, который наиблизе стоитъ у дѣла религіи, т. е. въ средѣ духовенства. Такъ оно и было. Русское духовенство заводило школы при церквахъ и монастыряхъ, гдѣ обучало дѣтей не только знатныхъ, но и простыхъ, вообще желающихъ. Это, однако, не помѣшало и мірянамъ вскорѣ заняться тѣмъ же дѣломъ обученія, и изъ нихъ скоро нашлись такіе, кои сдѣлали себѣ изъ этого занятія ремесло, т. е. брали извѣстную плату за выучку. Такіе люди назывались у насъ *мастерами*, и они были у насъ съ самаго почти начала христіанства на Руси. Но, вѣроятно, тогда же и для тѣхъ же цѣлей появились у насъ и *мастерицы*, которыя такъ

же за плату обучали простыхъ дѣтей, преимущественно своего пола. Иначе, чѣмъ объяснить тотъ фактъ, что у раскольниковъ и по сіе время существуютъ эти мастерицы, какъ особливая должность, вмѣстѣ съ учительницами, каноницами, читалками, бблицами и др.? Быть не можетъ, чтобы раскольники въ настоящее время потерпѣли у себя должность, которой не было исконно въку на Руси. Въдъ раскольники такъ ревниво берегутъ старо-отеческія преданія и обычаи свято-чтимой ими старины! Еще. Въ XVII вѣкѣ у насъ обученіе царевенъ обыкновенно поручалось мастерицамъ, кои входили въ придворный штатъ вмѣстѣ съ чтицами, псаломщицами, и др. Опять, еслибы мастерицъ у насъ не было ранѣе XVII вѣка,—то едвали и въ XVII вѣкѣ имъ поручали бы такое важное дѣло, какъ воспитаніе царскихъ дѣтей, для первой пробы ихъ педагогическихъ силъ. А то значить, онѣ и раньше были и исторически заслужили себѣ добрую педагогическую репутацію. А если онѣ были, то было, слѣдовательно, у насъ и обученіе женщинъ. Гдѣ и какъ женщинъ обучали, мы не знаемъ; но если были грамотныя женщины, то должны же были онѣ *идь нибудь* учиться. У раскольниковъ, въ этой «жизни по старинѣ», и доселѣ существуетъ обычай отдавать дѣтей, мальчиковъ и дѣвочекъ, какъ только имъ минетъ семь лѣтъ, т. е. по наступленіи срока «вдавати отрочать въ поученіе чести книгъ божественнаго писанія», въ скитъ къ родственницѣ, къ знакомой матушкѣ—игуменьѣ, на выучку. Въ скитѣ учать грамотѣ, письму уставомъ и писать иконы; дѣвочекъ же—и скитскимъ рукодѣльямъ. Мастерицы иногда учать и внѣ скита, по домамъ богатыхъ людей, или большею частію у себя на дому, собирая дѣтей обоого пола въ избушкѣ, подаренной кикимъ нибудь христіюлюбивымъ дателемъ. Плату за ученіе берутъ

«книжной дачей» — или отъ листочка, или за каждую книгу отдѣльно; ученикъ или ученица обязаны принести мастерицѣ завязанный въ платокъ горшокъ молочной каши и полтину денегъ. Объ этихъ старинныхъ обычаяхъ упоминается еще въ XV вѣкѣ, и они до сихъ поръ ведутся не только у раскольниковъ, но и у насъ въ малороссіи. Навѣрное можно сказать, что не будь ихъ въ глубокой древности, не было бы ихъ и теперь. Наконецъ, въ существованіи учительницъ, мастерицъ и вообще грамотныхъ женщинъ въ самое древнее время на Руси убѣждаетъ и то довѣріе, съ какимъ нашъ народъ относился къ ученію у вдовъ священниковъ, дьячихъ и др. лицъ женскаго пола духовнаго званія; а народъ вообще, какъ извѣстно, строго придерживается обычаевъ старины и не легко идетъ на всякія новшества.

Итакъ, съ самаго почти начала нашей исторіи просвѣщенія, т. е. принятія Русью христіанства, у насъ были грамотныя женщины, которыя не только учились, но и учили другихъ, а слѣдовательно, существовало и *обученіе* женщинъ, не смотря даже на отсутствіе школъ. Конечно, эти грамотныя женщины составляли незначительное меньшинство въ массѣ русскихъ женщинъ; но все же онѣ были и игнорировать этого факта нельзя, тѣмъ болѣе, что грамотность не была общимъ достояніемъ и на мужской половинѣ.

По естественному ходу вещей, для женщины русской обученіе грамотности очень рано должно было сосредоточиться преимущественно въ монастыряхъ. Уже съ XI вѣка въ русскомъ обществѣ стало проявляться стремленіе къ монастырской жизни. Въ монастыряхъ жили не мужчины только, но и женщины, и сперва по высокимъ и чисто религіознымъ побужденіямъ. Но скоро ихъ стало манить туда и желаніе покоя и тишины, которыхъ

такъ не доставало въ тогдашнемъ міру, съ развитіемъ на Руси удѣльныхъ распрей и усобиць. Не только души робкія, какъ страшило зрѣлице кровавыхъ драмъ, раздиравшихъ Русь, уходили въ монастырь, но и люди болѣе мужественные не выдерживали этой жизни и массами притекали въ монастыри. Для женщины же, помимо этого, удаленіе отъ свѣта скоро стало необходимостью, ибо съ конца XI вѣка не окрѣпъ, но замѣтно выяснился уже тотъ аскетическій взглядъ на женщину, какъ „на начало грѣха“, который въ XIII вѣкѣ окончательно загналъ ее въ теремную неволю; но уже и теперь, въ XI вѣкѣ, женщина ясно видѣла, что въ міру ей не остается ни мѣста, ни дѣла, и она уходила въ монастырь, ища въ немъ удовлетворенія своимъ религіознымъ потребностямъ. А вступая въ монастырь по волѣ или по неволѣ, она дѣлалась обязательно — грамотною и даже образованною. Какимъ образомъ? А вотъ какимъ. Лѣтописи наши часто упоминаютъ, что монахини общинно-жительныхъ монастырей „черноризицы — пребывали, живя по монастырскому чину“. Это значитъ, что монахини наши жили, занимаясь богоугодными и душеспасительными дѣлами. Дѣла же эти, кромѣ подвиговъ поста и молитвы, состояли въ чтеніи божественныхъ книгъ, какъ необходимомъ для религіознаго просвѣщенія и спасенія; въ переписываніи этихъ книгъ, что также считалось тогда богоугоднымъ дѣломъ; также въ *пѣніи*, которое требовалось при самомъ богослуженіи. Если къ этому прибавить еще и рукодѣліе, которое, кажется, составляло исконную принадлежность женщины, особенно монастырки, коей оно могло рекомендоваться въ видахъ педагогическихъ, какъ средство противъ праздности и скуки, то и получится эта программа, по которой вообще велось обученіе на Руси не женщинъ только, но

и мужчинъ. По этой программѣ учила въ концѣ XI вѣка княжна-инокиня Янка (Анна), дочь Всеволода, которая, по свидѣтельству Татищева, въ 1086 году основала въ Кіевѣ при Андреевскомъ монастырѣ *первое* женское училище для 300 дѣвушекъ. (Если это было училище въ нынѣшнемъ смыслѣ, то оно было *первымъ* по времени не только въ Россіи, но и въ Европѣ). По этой же программѣ учила въ половинѣ XII вѣка преподобная Евфросинія Полоцкая, дочь Георгія Всеславича, и около половины XIII вѣка другая преподобная княжна Евфросинія Суздальская, дочь Черниговскаго князя Михаила Всеволодовича: первая въ основанномъ ею монастырѣ, а вторая—въ училищѣ при монастырѣ, въ г. Суздаль. Евфросинією Суздальскою, умершею около 1250 года, заканчивается скудный рядъ дошедшихъ до насъ свѣдѣній объ образованныхъ по своему времени женщинахъ до-монгольской Руси. Со второй половины XIII вѣка и такихъ свѣдѣній сохранилось еще меньше. Съ этого времени вплоть почти до Петра Великаго настаетъ на Руси глухое, безиросвѣтное время. Все, кажется, стеклось, чтобы погубить на Руси возникающее образованіе, особенно среди женщинъ... Но оно не погибло и не погибало во все это нерадостное время: ни монголы, лютымъ пожаромъ пронесшіеся по русской землѣ до Галича и Волыни, ни ихъ двухсотлѣтнее почти господство надъ Русью, въ продолженіе котораго они жгли и грабили русскіе города и села, разоряли и позорили церкви Божіи, предавая безсмысленному истребленію книгохранилища и школы; ни вражда и зависть запада, въ лицѣ Литвы и Польши, урывавшихъ себѣ куски русской земли, ни, наконецъ, самая неволя домашна-теремная жизнь,—ничто не могло погубить дѣла, которое нужно было самой вѣрѣ, какъ не могло

погубить и самой вѣры русской—православной. Тѣже монастыри, что давали пріютъ женскому образованію въ до-монгольской Руси, и теперь большею частью служили для него прибѣжищемъ. Въ Степенной книгѣ, содержащей въ себѣ „царскую родословную до Іоанна Грознаго, рассказываетъ о женѣ Андрея Константиновича—княгинѣ Василиссѣ, что она въ ранней молодости обучена была книгамъ св. писанія, изучила ветхій и новый завѣтъ, основала монастырь и постриглась въ монахини. Ея примѣру послѣдовали многія боярыни и боярышни „и бысть ихъ числомъ сто и десять“. По словамъ г. Лавровскаго, въ грамахъ XIV вѣка упоминается о содержаніи при церквахъ сиротъ-дѣтей обоего пола, при чемъ ихъ не только кормили, но и учили. Даже самые терема до нѣкоторой степени помогали если не развитію, то, по крайней мѣрѣ, сохраненію грамотности среди русскихъ женщинъ. „Въ теремахъ, какъ и монастыряхъ, говоритъ г. Забѣлинъ, весь день наполняла набожность, ибо уставъ каждадневной жизни требовалъ чтенія, какъ душеспасительнаго подвига; читались: житія святыхъ, поученія на каждый день“, и пр. Слѣдовательно правъ нашъ историкъ (Соловьевъ), говоря: „трудно отвѣтить на вопросъ: „что случилось бы съ нами въ XIV вѣкѣ, безъ церкви, монастыря и терема“? Съ конца XV вѣка Русь вздохнула свободнѣе: тучи, висѣвшія надъ нею столько вѣковъ и грозившія ее погубить, понемногу разсѣялись: постыдное рабство сброшено, единодержавіе достигнуто и больше не льется напрасно русская кровь въ удѣльной борьбѣ. Только женщина все еще находится взаперти въ терему, или уходитъ въ монастырь, лишенная дѣла и права жить въ обществѣ. И не скоро еще завялась надъ ней ея свѣтлая заря. Но тѣмъ не менѣе дѣтопись сохранила

нѣсколько женскихъ именъ, кои свидѣтельствуютъ, что и въ терему жепщина дѣлалась не только грамотною, но и образованною. Таковы были: Елена, дочь в. к. Иоанна III, бывшая замужемъ за литовскимъ княземъ Александромъ, Ксенія Ѡ. Годунова, Ксенія Ивановна Шестова (инокиня Марѳа—мать ц. Михаила Ѡеодоровича): вторая была особенно искусна въ списываніи книгъ, а послѣдняя вела переписку съ (бывшимъ мужемъ своимъ) патріархомъ Филаретомъ, и „читала книгу печатную въ дестъ Василя Кессарійскаго да Псалгырь“. Таковы были и дѣти царя Михаила Ѡеодоровича, особенно дочь его Ирина, которую современники называли «мудрою и начетчицею книгъ», и шесть дочерей ц. Алексѣя Михайловича, особенно же младшая изъ нихъ—знаменитая Софія—эта „мужеска ума исполненная дѣва“, коей Симеонъ Полоцкій поднесъ свой „Вѣнецъ Вѣры“, со словами: „Ты церковныя книги обыкла читати.

И въ отеческихъ свитцѣхъ мудрости искати“.

Поэтому, замѣчаніе дьяка Кошихина: „московскаго государства женскій полъ неучень и не обычай тому есть“ можно принять, только съ сильнымъ ограниченіемъ, относя эти слова къ селамъ и провинціямъ и вообще къ массѣ простаго народа. Что же касается царскихъ и боярскихъ семей, то, какъ видно изъ этихъ, правда, немногихъ примѣровъ, обычай обученія существовалъ не только съ Алексѣя Михайловича, когда уже начало обозначаться западное вліяніе (въ видѣ идей), но и до него: учили не только сыновей, но и дочерей, не только въ царскихъ и высшихъ боярскихъ семьяхъ, но и у бояръ попроче. Примѣръ обученія шелъ сверху: чему учили въ царскихъ семьяхъ, тому учили и въ боярскихъ и во всѣхъ прочихъ сословіяхъ; при этомъ, мужское и женское образованіе было одинаково, что было легко дости-

жимо при элементарности самага образованія. Царевичей начинали учить съ 5 лѣтъ, а письму съ 7 лѣтъ. Предметами обученія для нихъ были: букварь, часословъ, псалтирь, Евангеліе и церковное пѣніе. Эти же предметы и въ такомъ же порядкѣ преподавались и царевнамъ, съ тою лишь разницею, что царевичей учили дьяки, а царевенъ—учительницы-мастерицы. Объ этихъ учительницахъ времянь Михаила Феодоровича сохранились даже такія подробности, что за свой трудъ онѣ получали 8 р. въ годъ жалованья, да кормовыхъ по шести денегъ каждый день, и проч.

Такимъ было наше женское образованіе въ древней Руси, за весь ея семисотлѣтній періодъ до Петра Великаго. Нельзя не обратить вниманія на слѣдующія знаменательныя черты этого древняго женскаго образованія. Общій типъ его—церковность, его объемъ—грамотность, да книжная начитанность; оно не обязательно, не имѣеть ни нарочито устроенныхъ мѣстъ, т. е. ни школъ, ни др. учебныхъ заведеній, ни опредѣленныхъ средствъ; а ютится или дома, или въ монастырѣ, или даже въ теремѣ, на свой счетъ. И не смотря на это, оно даже въ такое злосчастное время, какъ время татарщины и теремной неволи, сохранилось до болѣе свѣтлыхъ дней на Руси. Чѣмъ же это объяснить? Въ чемъ искать причину живучести явленія, которому сама жизнь ставила столь много и такихъ препятствій, кои въ состояніи были задавить всякое другое явленіе? Не въ чемъ иномъ, по нашему мнѣнію, какъ въ силъ самой христіанской вѣры, съ которой образованіе это, съ самага появленія христіанства, вступило въ тѣсную связь: въ ней его историческая живучесть и сила! Оно должно было служить дѣлу утвержденія и распространенія христіанства. Эту великую задачу указали ему первые наши

князья, и задача эта, сдѣлавшись душой древняго образованія, сообщила ему ту нравственную мощь, съ которой оно побѣдоносно вышло изъ бездны препятствій, бывшихъ на пространствѣ его историческаго существованія. Задача эта одушевляла нашего древняго книжника—мужчину или женщину—все равно, и онъ брался за книгу или перо не просто изъ любопытства, или отъ скуки, и не потому, что мода этого требовала,—нѣтъ, а потому, что въ чтеніи и письмѣ онъ полагалъ спасительное дѣло, служеніе, жертву Богу. Оттого самое „ученіе“ и „просвѣщеніе“ на его языкѣ значило „ученіе и просвѣщеніе въ вѣрѣ“.

Съ Петра Великаго—*новое* время: Русь стала Россіей. Сошла она съ своей исторической колеи и, повинувшись могучей волѣ Преобразователя, начала перестраивать себя на западно-европейскій ладъ, сперва нѣмецкій, а потомъ (съ Елизаветы Петровны) на французскій. Родное—національное было отодвинуто на задній планъ и стало уступать свое мѣсто „иноземному“—во всѣхъ почти сферахъ, отъ русскаго кафтана и бороды до русской рѣчи и русской мысли. Въ эту эпоху сильныхъ и рѣзкихъ перемѣнъ, касавшихся не одной какой-нибудь стороны въ жизни русскаго народа, но всего его быта, т. е. всѣхъ сторонъ жизни, не могъ не измѣниться и бытъ русской женщины. И онъ измѣнился; но—къ лучшему-ли? Мы слѣдимъ собственно исторію женскаго образованія; а въ этомъ отношеніи Петръ, кажется, *не сдѣлалъ ничего существенно-важнаго*. Правда, учиться, получать образованіе женщинъ русской не было запрещено, какъ и 700 лѣтъ тому назадъ; но и не было ничего сдѣлано въ смыслѣ содѣйствія, или улучшенія средствъ къ ея образованію. И это произошло не потому, что Петръ считалъ науку женскую дѣломъ не стоящимъ, не важ-

нымъ, а потому, что, занятый преобразованіемъ Россіи, онъ все вниманіе обратилъ на образованіе мужины. Ему нужны были и притомъ „сейчасъ“ спеціалисты-мастера по разнымъ отраслямъ государственнаго и практическаго знанія: полководцы, инженеры, моряки, плотники, слесаря, литейщики, и проч., — словомъ „птенцы“, которые могли бы помочь ему въ дѣлѣ преобразованія; поэтому, ихъ онъ посылаетъ за границу, заводитъ и у себя дома школы, но спеціально-практическія, напр. инженерную, артиллерійскую, морскую академію, школу для подьячихъ, и проч.; даже школы цифирныя или математическія имѣли на дѣль характеръ спеціальныхъ. Такъ какъ женщина не казалась годною для этихъ спеціально-практическихъ дѣлей, то, поэтому, *фактически* она и была исключена изъ созданнаго Петромъ *практическаго* (реальнаго) образованія. Говоримъ: „фактически“, а не по закону: ибо въ одномъ указѣ Петра объ учрежденіи школъ нигдѣ не говорится объ исключеніи женщины изъ этихъ школъ; слѣдовательно, по закону она имѣла право учиться въ этихъ школахъ, но *на дѣль* не могла и не училась. Мальчиковъ правительство Петра заставляло учиться иногда даже крутыми мѣрами; дѣвочекъ же оно оставило въ покоѣ, давъ имъ какъ бы привиллегію — учиться и не учиться. Изъ привиллегіей этой во всей имперіи пользовались только женщины, а да крестьяне!

Но если Петръ ничего не сдѣлалъ для женскаго образованія въ прямомъ смыслѣ; зато, вся его реформа должна была сильно повліять вообще на жизнь русской женщины. Дѣйствиительно, отмѣна теремнаго затворничества и вступленіе женщины въ общество не могли не оказать добраго вліянія на жизнь русской женщины, но только не при Петрѣ и до него не сразу послѣ него. Общество,

въ которое русская женщина, по волѣ Петра, вступила, само было на такой невысокой ступени развитія, что едва ли чему нибудь доброму могла научиться у него женщина. Если не считать такихъ единицъ, какъ О. Прокоповичъ, кн. Д. Кантеміръ, Ю. Крижаничъ, Ломоносовъ и немногіе другіе, друзья науки, — то все наше общество не только при Петрѣ, но даже и при Екатеринѣ Великой, къ наукѣ и ученью относилось съ крайнимъ недовѣріемъ и пренебреженіемъ. Необходимость науки не сознавалась; отъ нея бѣжали какъ отъ огня, и потому даже птенцы Петра едва умѣли писать. Единственное знаніе, на которое былъ запросъ въ этомъ обществѣ, — это то, которое могло пригодиться для службы, или то, которое требовалось на показъ, какъ украшеніе. Изъ служебно-практической дѣятельности женщина была исключена, и потому свои незанятые силы она употребила на то знаніе, которое требовало на показъ, т. е. на усвоеніе хорошихъ манеръ, да иностранныхъ языковъ. И этой модной наукой, наукой „свѣта“ она скоро овладѣла, превзошедъ даже мужчину... Иностранные языки и свѣтское обращеніе она такъ постигла, что современники-иностранцы съ восторгомъ отзывались о нѣкоторыхъ нашихъ женщинахъ: „она-де ни рѣчью, ни манерами совсѣмъ не похожа на русскую, совсѣмъ не русская“!.. Теперь такая похвала хуже кровной обиды; но тогда было совсѣмъ другое дѣло: тогда это былъ тотъ терминъ, котораго достигала всякая женщина, чтобы считаться „образованной“. Этотъ же терминъ былъ и для мужчины: по нему, прежде всего, отличали образованнаго отъ „болвана“ (Честное Зерцало). И требованіе это было такъ сильно, что даже царица Прасковья Феодоровна — эта женщина стараго закала — своихъ дочекъ обучала тантамъ и поступи, французскимъ и нѣмецкимъ учтивствамъ

и комплиментамъ. Дѣти Петра Анна и Елизавета владѣли французскимъ и нѣмецкимъ языками; Елизавета знала и шведскій, какъ и Екатерина I. Внучка Петра Наталія Алексѣевна свободно говорила по — французски и по — нѣмецки и вообще была прекрасно образована, не смотря на свои 14 лѣтъ. Статсъ-дама Елизаветы Петровны и графиня Салтыкова также говорила на иностранныхъ языкахъ, а ея фрейлина Мавра Егоровна Шеделева занималась и литературой — написала большую комедію на малоросійскомъ языкѣ...

Училась ли женщина, кромѣ языковъ, и наукамъ, — съ точностію опредѣлить нельзя; вѣроятно, училась. Княгиня Наталія Борисовна Шереметьева (род. 1714 г.), оставившая о своей несчастной жизни очень симпатичныя записки, говоритъ въ нихъ, что росла она при матери, которая при ея воспитаніи старалась „ничего не упускать *въ наукахъ*“; но что это были за науки, опредѣлить трудно; несомнѣнно одно, что въ дѣлѣ образованія русской аристократки время Петра науки стояли на второмъ планѣ, между дѣломъ. Важнѣе считалось знаніе иностранныхъ языковъ, хорошія манеры, да еще умѣнье танцовать и играть на лютнѣ или клавесинѣ.

Что же сказать объ этомъ образованіи? Былъ ли это шагъ впередъ въ исторіи развитія нашей женщины, или же шагъ назадъ? Трудно отвѣтить на этотъ вопросъ. Извѣстно, съ одной стороны, что одно умѣнье говорить хоть бы на всѣхъ европейскихъ языкахъ не составляетъ образованности человѣка; но, съ другой стороны, если вспомнить, что безъ знанія иностранныхъ языковъ не возможно было бы впоследствии знакомство и съ наукою, которая существовала только на западѣ; если вспомнить, что при Петрѣ наше общество, въ смыслѣ сближенія людей, только что начинало слататься, что оно было

еще въ положеніи ребенка, котораго нужно еще научить правильнымъ движеніямъ, чтобы одно движеніе не мѣшало другому,—то дѣлается понятною необходимость при Петрѣ науки языковъ и манеръ. То правда, что въ „лѣсу были дубинки не безъ кривинки“; но правда также и то, что „не всѣ дубинки были съ кривинкой“. Наталія Алексѣевна — этотъ «идеаль честныхъ людей», Наталія Борисовна Долгорукова — эта героиня — страдалица изъ-за чувства долга, княгиня Дашкова и др. — не того ли свѣтскаго образованія дѣти, да не тѣ: онѣ и теперь могутъ служить образцами доброй нравственности. Стало быть, вина худыхъ правовъ не въ одномъ свѣтскомъ образованіи; не малая доля ея тамъ, въ прошломъ женщины, въ теремѣ; только теперь, на просторѣ, недугъ выступилъ рѣзче, явнѣе.

Все сказанное нами относится къ женщинѣ высшаго круга. Что же касается женщинъ средняго и низшаго званія, то для нихъ такъ какъ образовательныя средства остались большею частью прежнія, то и общій типъ образованія остался прежній, т. е. церковно-книжный. Правда, въ среднихъ достаточныхъ классахъ замѣчалось уже стремленіе *подражать* высшему свѣтскому образованію, и потому на домъ брали, или, какъ тогда говорили, «напимали» къ дѣтямъ учителей — иностранцевъ и гувернантокъ; но масса всетаки получала свое образованіе въ школахъ. Школы эти были при церквахъ, при монастыряхъ. Это — такъ называемыя «сиротскія» школы, гдѣ кормили и учили дѣтей *обою* пола. Но большинство школъ были «иноземныя», особенно въ отвоеванныхъ Петромъ остзейскихъ городахъ; а также раскольничьи такъ называемыя «грамотни», бывшія даже въ незначительныхъ раскольничьихъ скитахъ, гдѣ мастера и мастерицы учили мальчиковъ и дѣвочекъ

«по старинѣ», приготовляя начетчиковъ и начетчицъ... Вообще расколъ будиль русскую мысль, вызывая потребность читать и разсуждать.... Были также школы и частныя, преимущественно «дьячковскія»: учили не только дьяки о пономари, но ихъ жены. Въ 1749 году дьячекъ московской церкви Адриана и Наталіи по дѣлу въ консисторіи показалъ, что у «жены его ежегодно училось словенской грамотѣ и письму до 20 дѣвицъ». Были школы и въ деревняхъ, но только помѣщичьихъ, возникая часто по «случайнымъ» причинамъ, какъ напр. въ селѣ Бетькахъ Казанской губерніи, гдѣ помѣщики налагали на замужнихъ урокъ вдвоебольшій, чѣмъ на дѣвушекъ; поэтому дѣвушки старались не выходить замужъ, и—свободное время отдавали изученію грамоты.

Съ Елизаветы Петровны появились у насъ и пансіоны тоже частныя, которые содержались большею частью французами и французженками. Наибольше ихъ было въ столицахъ, но были и въ другихъ городахъ, какъ напр. въ Оренбургѣ: гдѣ учился нашъ Державинъ. Въ пансіоны принимались мальчики и дѣвочки, дѣти и даже взрослые. Определенной системы ученія въ нихъ не было: дѣти приходили и уходили, когда вздумается. Дѣвочекъ въ нихъ большею частью обучали «благородной поступи», «убирать на головѣ» и другимъ женской природѣ приличнымъ вещамъ». Но содержатели и содержательницы этихъ пансіоновъ оказались большею частью такими невеждами, что выше въ скоро законъ объ экзаменахъ для полученія диплома на званіе домашняго учителя... Кроме этихъ пансіоновъ, времени Елизаветы Петровны принадлежатъ еще два указа: одинъ 1743 и другой 1754 года. Указъ 1743 повелѣваетъ: «дворянамъ и вольнымъ людямъ дѣтей своихъ, прежде обученія русскому языку, обучать буварію и катехизису и упражнять въ

чтеніи божественныхъ книгъ, чтобы узнавъ чрезъ сіе христіанскую должность . . . могли право истуцать и охранять себя отъ иновѣрныхъ развратниковъ». Указъ же 1754 года специально касается женщинъ, требуя учрежденія въ Москвѣ и Петербургѣ присяжныхъ повивальныхъ бабокъ (акушерокъ). — Если къ этимъ двумъ указамъ прибавить указы 1724 и 1729 года «о сиротскихъ» при монастыряхъ школахъ, то и исчерпаемъ все законодательство наше по женскому образованію за первые 800 лѣтъ нашей исторіи. Стало бытъ, не будетъ большой погрѣшности сказать, что *до сихъ поръ* женщина наша то образованіе, какимъ владѣла, создавала преимущественно собственными силами, силою природной любознательности и своей энергіей.

Но вотъ взошла заря и для образованія русской женщины. 5 мая 1764 года Императрица Екатерина II повелѣла Указомъ основать въ Петербургѣ при Воскресенскомъ монастырѣ „Воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ“, сдѣлавшееся болѣе извѣстнымъ подъ именемъ «Смольнаго монастыря»¹⁾. Это было первое въ Россіи женское учебное заведеніе въ смыслѣ правительственнаго учрежденія. Основаніемъ его Екатерина II *въ первый разъ* признала женское образованіе отдѣльной государственной отраслью, необходимой и важной для созданія общаго государственнаго блага. Поставленное на степень государственнаго учрежденія, снабженное средствами изъ государственной казны, дѣло женскаго образованія могло теперь считать будущность свою прочно обезпеченною.

Смольный — это шагъ огромной важности въ исторіи образованія русской женщины. Говорятъ: «русская женщина достигла этого блага безъ всякихъ, съ своей сто-

¹⁾ Еще при шведскомъ владычествѣ тутъ было училище „Смоляной Дворъ“.

роны, усилій... Да; но едвали и другіе сдѣлалибъ для нея это благо, если бы сама она не была способна воспользоваться имъ, еслибы раньше, *исторически* она не заявила своей правоспособности на образованіе. Главное, впрочемъ, не въ этомъ. Смольный важенъ не только какъ *первое* женское учебное заведеніе въ Россіи, но и какъ заведеніе, послужившее *прототипомъ* болѣе или менѣе для всѣхъ женскихъ учебныхъ заведеній, возникшихъ у насъ въ послѣдствіи. Не безъ-интересно, по этому, ознакомиться съ его внутреннимъ и внѣшнимъ бытомъ, съ тѣми мотивами и задачами, коими руководилась Великая Императрица, учреждая это заведеніе. Но чтобы понять появленіе, бытъ и задачи Смольнаго, необходимо познакомиться съ самой Екатериной, съ ея личностью, думами, вѣсами, и проч.: ибо Смольный ея дѣтище, ея созданіе столько же почти, какъ знаменитый Сень-Сиръ бытъ созданіемъ Ментеновъ. Великіе люди вообще налагаютъ печать своей личности на свое созданіе.

Первоначальное воспитаніе Екатерина получила очень поверхностное: немножко Закона Божія, французскаго языка, да письма, — вотъ и все, чему училась она у одной француженки, да пастора — нѣмца. Тѣмъ не менѣе она была, какъ извѣстно, женщина высоко и всесторонне образованная, коей доступны были всѣ сферы человѣческаго знанія — отъ философіи до архитектуры; только поэзія и музыка ей не дались. Своимъ образованіемъ она, какъ и Петръ Великій, какъ и всѣ гении, обязана самой себѣ: это — блестящій *самоучка*. Богато одаренная отъ природы, живая, обворожительная по наружности и манерамъ, она, возбуждаемая гениемъ любознательности, читала и училась до того усердно, что даже верхомъ вѣздила съ книгой въ карманѣ. До выступленія еще на

престоль, когда ей не было и 15 лѣтъ, она успѣла прочесть много серьезныхъ философскихъ и историческихъ книгъ, какъ напр. Плутарха, „Жизнь Цицерона“, „Исторію величія и упадка римской республики“, Монтескье и др. Развитію ея способствовала и тяжелая жизнь ея среди придворныхъ интригъ, а затѣмъ и несчастное замужество... Вспоминая въ послѣдствіи о своемъ воспитаніи, она, однако, не называетъ его «дурнымъ», хотя учителей своихъ и называетъ «глупыми»... У меня было двое хорошихъ учителей: несчастье и уединеніе — и связанная съ ними возможность „читать и размышлять“... И она дѣйствительно прочла, и не только прочла, но и усвоила все, что было лучшаго въ ученомъ мірѣ современнаго ей запада. Въ частности, свои педагогическія воззрѣнія и вкусы она воспитала на произведеніяхъ Локка и Монтеня, особенно Монтеня; но главное и тутъ — свои личныя наблюденія, размышленія, опыты. Вотъ приблизительно *терминъ* философско-педагогическихъ, государственныхъ и другихъ думъ и желаній Екатерины II: «Цѣль жизни индивидуальной и общей государственной — *соответственное счастье*. Государство — это коллективная *личность*; каждая личность — государственная единица. Если единицы эти счастливы, каждая въ отдѣльности, то счастливо и государство. Но, вѣдь, такъ называемое счастье и несчастье заключается не во внѣшнихъ какихъ нибудь условіяхъ, или матеріальныхъ выгодахъ; оно внутри самого чело- вѣка, въ его душѣ и сердцѣ, въ его внутреннемъ до- вольствѣ, спокойствіи. Счастливъ тотъ, кто *чувствуетъ* себя такимъ. Матеріальныя невзгоды часто, правда, на- рушаютъ нашъ внутренній миръ: подъ ихъ давленіемъ чело- вѣкъ нерѣдко раздражается, досадуется, не знаетъ ни сна, ни отдыха, а робкій *впадаетъ* и въ отчаяніе. Между тѣмъ, *послѣдній* *выше* этихъ матеріальныхъ

невзгодъ, сдѣлай себя (свой внутренній міръ) независимымъ отъ нихъ — и онъ счастливъ... Вотъ тутъ-то и нужна помощь человѣку: люди не помогутъ: у нихъ и своего горя много, и къ твоему они отнесутся или равнодушно, или съ обѣднымъ участіемъ; вѣрнѣе и надежнѣе умная книга: она твоя всегдашній и притомъ безкорыстный другъ; съ ней твоя голова, хоть и избѣдна, да не одна; а вдвоемъ и горе вполгоряте. Нужно только сдружиться съ книгой, воспитать въ себѣ охоту, любовь къ серьезному чтенію. Тогда, какъ ни тяжело случится человѣку, чтеніе хорошей книги вѣдаетъ «бееѣда съ мертвыми, живущими въ книгахъ людьми» — все сниметъ какъ рукой: незамѣтно, мало-по-малу овладѣвая тобой, она вводитъ тебя въ «новый» міръ мыслей и чувствъ, открываетъ «новыя» перспективы, и тѣмъ самымъ *измѣняетъ* настроеніе души, разгоняетъ душевную мразь, свѣтлитъ сознаніе, бодритъ человѣка; такъ что «недавно предъ тѣмъ «мертвый» одѣлается живымъ», «въ небесахъ зреть Бога и счастье на землѣ»... Разумное чтеніе, серьезная книга «возвышаетъ» душу, одѣлаетъ ее «мужественною», бодрюю, «крѣпкою въ несчастіи». Есть люди крѣпкодушныя отъ природы; но такихъ не много. Собственно же говоря, такія души не рождаются, а *воспитываются*. Человѣкъ рождается ни робкимъ, ни мужественнымъ, ни «ни дурнымъ ни хорошимъ»; дитя — это «нѣжный, мягкій воскъ», которому воспитаніе можетъ сообщить какую угодно форму, какой угодно видъ. Все дѣло, стало быть, въ *воспитаніи*: если его разумно направить, можно и фурію исправить; не то — и ангела испортишь. Если и есть какое различіе между дѣтьми, то оно касается больше ихъ природныхъ дарованій и еще темпераментовъ: одни дѣти отъ рожденія имѣютъ острое, проицательное понятіе; другія — «медленнопонятны», имѣютъ

ко всему тупое понятіе; при этомъ, одни съ большимъ запасомъ веселости, другія — съ меньшимъ; иныя вовсе скучны, мрачны; «добрыхъ же и злыхъ» дѣтей отъ природы не бываетъ, такими или иными они дѣлаются уже впоследствии, смотря по *среде*, гдѣ они воспитываются и живутъ. Среда, воспитаніе «злитъ или добритъ» ребенка, дѣйствуя на него не столько словомъ, сколько дѣломъ, примѣромъ: иное слово и мимо молвится; но примѣръ всегда оставляетъ глубокой слѣдъ и, главное, подготавливаетъ, *привычку* дѣйствовать «по примѣру». Отсюда видно, какъ важно помѣстить ребенка, и притомъ съ самого нѣжнаго возраста его, лѣтъ съ 4—5, въ когда онъ начинаетъ «приходить въ познаніе изъ невѣдѣнія», — въ хорошей воспитательной средѣ и дать ростъ хорошимъ побѣгамъ его молодой, еще не початой, не зараженной дурными примѣрами, души. Такъ какъ вопросъ о *воспитаніи* есть вмѣстѣ вопросъ и о *счастьи* ребенка, то тутъ не должно останавливаться ни предъ какими препятствіями, ни даже лишеніями для самаго ребенка, чтобы дать ему возможно лучшее воспитаніе. Современная жизнь, современная семья, общество — самая несчастная обстановка для воспитанія дѣтей: грубость, бракъ семейный деспотизмъ, неуваженіе къ наукѣ, ложь, лицемеріе, погоня за вышностью, и проч. и проч. Поэтому, если когда, то именно теперь, необходимо отторгнуть дѣтей у ихъ шотцовъ и матерей, съ самаго ранняго возраста, закупорить ихъ, уединить лѣтъ на 10—12 въ такомъ мѣстѣ, куда не проникаетъ съ сего свѣта ни одинъ лучъ, ни одинъ звукъ. И это необходимо сдѣлать не для мальчиковъ только, но и для дѣвочекъ. Окруженные атмосферой постоянной любви, заботливости и добрыхъ примѣровъ, просвѣщаемые свѣтомъ ученія, повитые правилами нравственности, — они

и сами созрѣютъ и окрѣпнуть въ добрѣ, приобрѣтутъ навыкъ поступать честно, правдиво, и—тогда, снова вернувшись въ родныя гнѣзда, внесутъ въ нихъ свои добрыя мысли и навыки нравственные и, быть можетъ, дѣти *улучшатъ* своихъ отцовъ и матерей, сами создавъ «новую» породу людей—разумныхъ, честныхъ, *счастливыхъ!*.. Такимъ образомъ необходима *школа* (воспитаніе молодого поколѣнія обоюга пола), и притомъ въ формѣ *закрытаго* заведенія. Такъ какъ по самому своему происхожденію школа есть искусственно и на время созданная среда, съ периферіи которой для человѣка только начинается цѣлый дѣйствительный міръ, и такъ какъ, по своему назначенію, школа должна помочь человѣку достигнуть *счастья*,—то она, во 1-хъ, имѣетъ *подготовительное*, а не завершительное значеніе, а во 2-хъ, должна быть не спеціальнымъ, практическимъ учрежденіемъ, а *человѣческимъ*, общечеловѣческимъ. Дѣло свое она сдѣлала, если научила человѣка *быть человекомъ*, полезнымъ себѣ и обществу, если дала ему ключъ *мудрости* и *счастья*. Для этого вовсе не нужно, чтобы школа производила «ученыхъ» мужчинъ или «ученыхъ» женщинъ: «естъ ученые педанты, кои не смѣютъ сказать двухъ, доступныхъ для насъ обыкновенныхъ смертныхъ, простыхъ словъ: «не знаю»;—но они мнѣ кажутся жалкими». Но, съ другой стороны, отсюда вовсе не слѣдуетъ, что школа можетъ выпускать людей, лишь «натертыхъ, какъ говорится, знаціемъ: ибо и такіе пуще первыхъ жалки».. Всему своя мѣра, свое должное минимумъ и максимумъ. Поставивъ предъ собой, какъ *конечную* цѣль, счастье *воспитываемаго*, школа должна, прежде всего, «человѣчить» человѣка, «облагодарить его душу и сердце», т. е. воспитать его *нравственно*, а затѣмъ «просвѣтить» его разумъ, т. е. воспитать *умственно*. Съ этимъ необхо-

димо соединять и *внѣшнее* воспитаніе чловѣка, но это уже «соотвѣтственно состоянію, полу и званію» воспитываемаго (уступка духу времени—сословности). Цѣлей этихъ—внутренней и вѣшней—школа достигаетъ самой обстановкой, примѣрами лицъ воспитывающихъ и добрымъ наученіемъ. Все въ школѣ должно соотвѣтствовать раціональнымъ цѣлямъ воспитанія: самыя комнаты должны быть чисты и просторны, ибо «тѣсная комната мертвитъ духъ и тѣло»; лица начальствующія и учащія должны быть гуманны, вѣжливы, кратки, справедливы въ отношеніи къ дѣтямъ; не наказывать за пустяки, а если и наказывать когда, то «съ холодной кровью», безъ гнѣва; при этомъ, по возможности быть «веселы» (это обязательно) и «отноудь своихъ огорченій не изъявлять при дѣтяхъ»... Что касается преподаванія (обученія), то оно по возможности должно быть *нагляднымъ* и происходить въ формѣ *бесѣды* отца съ дѣтьми. При этомъ, не только лишне, но и очень вредно «вперять въ молодыя головы всякій книжный хламъ», «набивать ихъ ученостью», которая не будучи осилена, можетъ поселить въ ребенкѣ одну «скуку, уныніе»—этихъ враговъ всякаго развитія и знанія. Поэтому, «нужно не столько учить дѣтей, колико имъ нужно дать охоту, желаніе и любовь къ знанію, дабы сами они искали умножить оное». Ибо для будущей жизни ребенка, для его счастья—этой послѣдней цѣли всякой дѣятельности и воспитанія—важны не столько тѣ знанія, кои школа даетъ ребенку, «не столько книги и слова», сколько то душенастроеніе, тотъ общій тонъ духовной жизни ребенка, которой она *чрезъ нихъ* (знанія) воспитала въ немъ. Если путемъ просвѣщенія ума и сердца школа воспитала въ ребенкѣ чувство добра и правды, если стремленіе къ нему она сдѣлала его привычкой, изнутри зовущимъ голосомъ,—то она въ отношеніи къ

ребенку сдѣлала свое *настоящее* дѣло; если же *этого* она не сдѣлала, то—всеу трудилась она: никакія книги, никакіе методы преподаванія не могутъ дать необходимыхъ на *всю* случаи жизни правилъ и указаній; истинный руководитель въ жизни—«разумъ просвѣщающій учениемъ и сердце образованное добрымъ воспитаніемъ».

Вотъ какія мысли, убѣжденія и чаянія положены были Екатериной въ основу «Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвиць», или Смольнаго монастыря. «Уставъ» и программа были составлены генераль-поручикомъ Бецкимъ *со словъ* самой Императрицы. Все въ Смольномъ *должно* было соотвѣтствовать рационально-гуманному воспитанію: и внѣшній бытъ, и учителя, и методы обученія. Смольный—учрежденіе правительственное и содежится на счетъ казны. По *формѣ* своей это есть *закрытое* заведеніе,—если угодно, *монастырь*, ибо онъ даетъ воспитаніе начинающимъ, и пріютъ оканчивающимъ жизнь (дѣти, если пожелаютъ, остаются въ немъ на всю жизнь). Вступившій сюда ребенокъ остается въ заведеніи впредь до окончанія имъ воспитательнаго возраста; если и видится съ родными и знакомыми, то не иначе, какъ въ опредѣленные на то дни, и непременно въ присутствіи кого-либо изъ лицъ начальствующихъ (но практика на этотъ счетъ была сильно измѣнена). Дѣти вступаютъ сюда съ пяти—шести лѣтъ, пока они еще не успѣли заразиться дурными примѣрами, и остаются въ заведеніи въ теченіе дѣлхъ двѣнадцати лѣтъ, пока не окрѣпнутъ физически и нравственно. Соотвѣтственно возрастамъ, они дѣлятся на четыре класса, по три года въ каждомъ. Каждому классу свой цвѣтъ платья ¹⁾ и своя учебно-воспитательная программа; но

¹⁾ Для перваго (младшаго) класса кофейный цвѣтъ; для 2-го—голубой, для 3—сѣрый и для 4—бѣлый.

всѣ дѣти—предметъ гуманнаго, общечеловѣческаго развитія. Они должны быть воспитаны не какъ спеціалисты—ремесленники, а какъ *люди* добрые, честные, правдивые, умные, полезныя себѣ и обществу члены, могущіе быть въ послѣдствіи *счастливыми*. Отсюда доминирующее значеніе должно имѣть *воспитаніе*, а не обученіе; обученіе служить лишь воспитательнымъ средствомъ: задачи его—не въ сообщеніи ребенку извѣстнаго количества знаній, а въ возбужденіи въ немъ (посредствомъ сообщаемыхъ знаній) самостоятельности. Но наилучшее воспитательное средство—личный примѣръ лицъ воспитывающихъ,—ихъ вѣжливое, кроткое, но справедливое обращеніе съ дѣтьми. Чтобы сдѣлать изъ воспитываемыхъ дѣтей «хорошихъ людей», нужно научить ихъ «яко первому всему основанію» Закону Божію, воспитать въ нихъ религіозное чувство, тотъ «страхъ Господень», который есть начало Премудрости Божіей, и опять таки достигая этого не столько «наученіемъ», сколько дѣйствіемъ собственнаго примѣра.—Чтобы сдѣлать ихъ въ послѣдствіи *полезными* себѣ и обществу членами, нужно позаботиться о приученіи ихъ «въ содержанію въ добромъ порядкѣ домашней экономіи», къ хозяйству, давая имъ разные случаи къ упражненію ихъ хозяйственныхъ способностей: съ 3 возраста они сами себѣ шьютъ платья, вяжутъ чулки и «прочій дѣлаютъ уборъ»; съ 4 возраста: ходятъ въ «поварни»; договариваются съ поставщиками о припасахъ, каждую субботу дѣлаютъ расчетъ; составляютъ расходамъ записку, предоставляемую начальницѣ, и проч. Сверхъ сего, воспитанницы же 4 класса, по двѣ каждый день, занимаются съ воспитанницами двухъ младшихъ классовъ. Такъ какъ, далѣе, женщина должна быть не только полезнымъ, но и *приятнымъ* членомъ общества, «отрадою

семьи и украшеніемъ общества», то для этого необходимо воспитать въ ней вкусъ ко всему изящному, высокому, прекрасному: необходимо, поэтому, заниматься съ дѣтьми не только музыкой, пѣніемъ, танцами, иностранными языками, рисованіемъ, но и стихотворнымъ и драматическимъ искусствами; равнымъ образомъ научить ихъ «приличнымъ ихъ званію и состоянію» поступкамъ и дѣйствіямъ, умѣнно держать себя въ обществѣ, обращаться съ людьми, и проч. И этого достигать чрезъ весь учебно-воспитательный курсъ, держась примѣрно такой программы: въ 1-мъ возрастѣ (отъ 6—9 лѣтъ) обучать дѣтей, кромѣ отечественнаго, языкамъ иностраннымъ и ариметикѣ; также рисованію, танцамъ, музыкѣ и рукодѣлію; во 2-мъ (отъ 9—12), кромѣ предметовъ 1-го возраста, дѣти изучаютъ географію и исторію; въ 3-мъ (12—15) присоединаются словесныя науки, т. е. чтеніе историческихъ и нравоучительныхъ книгъ, также геральдика и часть архитектуры; въ 4-мъ возрастѣ (15—18), дѣвцы должны имѣть 1) совершенное знаніе закона; 2) всѣ правила добраго воспитанія, благонавія, скромности и проч.; 3) должны повторить прежнее и 4) дѣйствительно вступить во всѣ части экономіи.

На физическое воспитаніе дѣтей «Уставъ» также обращаетъ серьезное вниманіе: «всякая излишняя нѣга должна быть изгнана»; но все необходимое должно быть удовлетворено. Поставляется на видъ, что «образовать здоровую душу можно только въ здоровомъ тѣлѣ». Посему пища должна быть здоровая и обильная; гулянье, игры, гимнастика «по склонностямъ и времени» — въ саду, или въ особо для того устроенныхъ мѣстахъ. Сонъ — по возрасту дѣтей, бани по указанію врача, топка печей по термометру и проч.

Такимъ образомъ, надѣялась Императрица, выйдутъ духовно и физически «благовоспитанныя» женщины, здоровыя, веселыя, вѣжливыя, добрыя, умныя..., и много свѣта, добра и счастья внесутъ онѣ въ общую жизнь русскаго народа...

Но слово—не дѣло, и какъ часто самое красивое слово въ дѣлѣ *переиначивается*, искажается! Такъ отчасти вышло и съ программой Екатерины II: что Екатерина считала второстепеннымъ, практика сдѣлала главнымъ воспитательнымъ дѣломъ, и наоборотъ; посему получились результаты не совсѣмъ такіе, какихъ она ждала. Такъ, «свѣтское» воспитаніе практика поставила въ *первую* голову и на него обратила преимущественное вниманіе, въ ущербъ воспитанію духовно-нравственному. Необходимости внѣшняго, частіе «свѣскаго» воспитанія для воспитанницъ Смольнаго Екатерина не отрицала; но отнюдь не считала его главнымъ воспитательнымъ дѣломъ: она требовала, прежде всего, внутренняго благородства, а затѣмъ и внѣшняго; для нея ловкій, свѣтскій, но пустой щеголь былъ также, если не больше, невзвистень, какъ и грубый, неотесанный педантъ, и потому, требуя и внѣшности, она придавала ей второстепенное значеніе, какъ чему-то такому, что должно быть неперемѣннымъ послѣдствіемъ «благородства внутренняго». Но практика, говоримъ, поставила внѣшность въ первую голову воспитательной части, трактуя ее какъ самостоятельную добродѣтель. И случилось это не потому, что лица, коимъ ввѣрено было воспитательное дѣло, нарочито нарушали Уставъ и программу; нѣтъ, напротивъ—они со всѣмъ усердіемъ и добросовѣстностью взялись за исполненіе возложенныхъ на нихъ обязанностей и желали ихъ исполнить совершенно; но—не могли: не могли и потому, что ни одна программа и не можетъ быть въ точ-

ности исполнена, и—главное—потому, что они были «дѣти своего времени», т. е. взятая изъ той же среды, которую еще нужно было перевоспитать. А «время то» «наукѣ жизни» придавало *первое* значеніе въ ряду всѣхъ прочихъ наукъ: «видѣль и знаетъ свѣтъ»—это была высшая оцѣнка образованнаго человѣка. «Знать свѣтъ», умѣть держать себя въ обществѣ и проч. этого требовали отъ всякаго, съ претензіей на «порядочнаго» человѣка; требовали этого и въ семьѣ, и въ обществѣ, и въ школахъ мужскихъ, и въ пансіонахъ. Куда же было устоять Смольному противъ этого «духа времени»? То «великіе» люди имѣютъ привилегію глядѣть черезъ прясло текучей жизни:—такова была Екатерина; люди же обыкновенные, какъ воспитатели Смольнаго въ первые его годы, платятъ дань этой жизни, попадая ей въ тонъ.... Винить ихъ нельзя; но получились результаты воспитательные, не совсѣмъ желательные. Напр., хоть и та пресловутая *наивность*, о которой въ свое время говорили даже въ литературномъ мірѣ, притомъ люди безъ всякой предвзятой мысли, слѣдовательно такіе, коимъ нѣтъ основанія не вѣрять,—та наивность «смолянокъ», съ которой онѣ вступали въ жизнь, не зная ни людей, ни даже самыхъ простыхъ вещей, безъ мысли и желанія быть полезными въ «мелочахъ» будничной, но *дѣйствительной* жизни,—та наивность, о которой вспоминалъ Сперанскій въ письмѣ къ своей дочери: «слава Богу, ты не монастырка, и жизнь видѣла не чрезъ волшебное стекло»... Разъ, напр., гуляя въ саду, рассказываетъ Н. И. Гречъ, смолянки серьезно задавали такой вопросъ: «гдѣ же то дерево, на которомъ растеть бѣлый хлѣбъ?» и проч.

Такая наивность, пока ребенокъ еще ребенокъ, въ заведеніи, можетъ только забавлять, но если она—удѣль и взрослому, то уже бѣда: жизнь не любитъ шутить со

взрослыми дѣтьми!.. Наивность, въ смыслѣ непониманія дѣйствительной жизни и людей, неумѣнья цѣнить ихъ по ихъ достоинствамъ и, потому, безразлично-доброе ко всѣмъ отношеніе — болѣе или менѣе достояніе всѣхъ закрытыхъ заведеній; но болѣе общій удѣлъ ихъ известная заученность, искусственность, а не наивность.

Не совсѣмъ оправдались надежды Екатерины II и въ другомъ отношеніи: если воспитанницы выходили изъ учебныхъ заведеній не *такими*, какъ того хотѣла Екатерина, то, съ другой стороны, ихъ выходило не *столько*, какъ она надѣялась. Въ годъ смерти ея въ воспитательномъ обществѣ было 200 благородныхъ и 240 мѣщанокъ, да въ народныхъ училищахъ разныхъ губерній учились 1121 дѣвочка. Изъ этого числа на одну Петербургскую губернію приходилось 759; значить, въ остальныхъ 36-ти губерніяхъ было только 362 дѣвочки-ученицы. По отношенію ко всему тогдашнему населенію имперіи, т. е. къ 26 милліонамъ, это количество составляло самый ничтожный процентъ... Стало быть, и въ количественномъ отношеніи результаты ея просвѣтительныхъ заботъ были не совсѣмъ удовлетворительны.

Но не смотря на все это, великое дѣло сдѣлала Екатерина II, создавъ на Руси женское образованіе въ его собственномъ значеніи. Созданіе это не принесло желанныхъ плодовъ при ней и непосредственно послѣ нея; но зато, оно — тотъ краеугольный камень женскаго образованія, на которомъ оно держится нынѣ и будетъ существовать послѣ. Труденъ первый шагъ, починъ сознанія..

Создавая на Руси женское образованіе, Екатерина дѣйствовала одна, а „одинъ въ полѣ не воинъ“: кромѣ Бецкаго, едвали кто другой серьезно раздѣлялъ убѣжденіе Екатерины II въ необходимости народнаго образованія, особенно женскаго. Тогда, вѣдь, еще Фонъ-Визин-

скія „Софіи“—были еще чаяніе будущаго; сильнѣе и дѣйствительнѣе были „Бригадирши“, да „Совѣтницы“, да разныя „Щеголихи“; „ученость“ была въ загонѣ и на мужской половинѣ, а на женской она была просто „отвратительный порошок“: „Ужась какъ смѣшны,—говорить Щеголиха,—ученые мужчины; а наши ученые сестры—о! онѣ безпримѣрно смѣшны“!.. Не для географіи природа одарила насъ красотой лица; не для математики дала намъ острое и пронизательное понятіе; не для исторіи награждены мы плѣняющимъ голосомъ; не для физики въ насъ вложены нѣжныя сердца... Въ словѣ: „умѣть нравиться“—вся наша женская наука,—заключаетъ Щеголиха... Щеголиха—типъ: въ ней и подлѣ нея цѣлый легіонъ похожихъ на нее отцовъ и матерей... И среди этого общества Екатеринѣ удалось всетаки создать небывалое на Руси *умственное* движеніе, знаменующееся участіемъ въ немъ даже женщины: женщина первый разъ является въ роли литературной силы, работницы. Смоленки, не смотря на относительный аристократизмъ своего воспитанія, всетаки выходили „въ большинствѣ“ болѣе развитыми и гуманными, чѣмъ другія дѣвушки, и первыя приняли участіе въ жизни „новой породы людей“, въ частности—въ жизни литературной. Не говоря о такихъ личностяхъ, какъ Смирная (вторая супруга кн. Долгорукова), Нелидова, которая пользовалась почти неограниченнымъ вліяніемъ на Павла I, и всегда въ добромъ смыслѣ, на Дашкову, Сумарокову (Княжнина)—этихъ не считѣмъ обыкновенныхъ женщинъ по уму и нравственной высотѣ,—большинство монастырокъ составляло контингентъ „благонравныхъ“, „любезныхъ“, „милыхъ“, „веселыхъ“ и хорошихъ дѣвушекъ. Изъ нихъ же выходили, большею частью, и наши писательницы. Такъ, Ал. О. Ржевская известна какъ первая по време-

ни писательница при Екатеринѣ (сестра фельдмаршала, графа Каменскаго), въ числѣ разныхъ сочиненій своихъ оставившая „Кабардинскія письма“—романъ, за который особенно хвалить ее Новиковъ (она умерла въ 1769 г., 29 лѣтъ отъ роду). Далѣе слѣдуетъ писательница—поэтесса и переводчица, дочь артиллеріи генерала Вельяминова-Волынцева,—та самая, что перевела сочиненіе пр. кор. Фридриха II,—и Екатерина хвалилась Дидро: „вотъ у меня перевели и Фридриха, и кто же думаете Вы?—молодая, пригожая дѣвушка“! Съ 1769 года, т. е. съ начала у насъ сатирическихъ журналовъ, число женщинъ—писательницъ сравнительно увеличилось: появились женщины—публицисты (сотрудницы журналовъ), поэтессы, драматическія писательницы (оригинальныя и переводныя); переводчицы со всевозможныхъ языковъ, и даже съ армянскаго, и проч. Если къ этому прибавить произведенія ихъ по „изящной словесности“, а также педагогическія, сельско-хозяйственныя и даже научно-философскія статьи,—то окажется, что женщина временъ Екатерины принимала участіе во всѣхъ почти родахъ литературы. Ихъ опыты и труды были не лучше, но и не хуже большинства произведеній появлявшихся *тогда* въ печати. Княгиня К. А. Меншикова, напр., перевела изъ Тассо эпизодъ: „Олеидъ и Софронія, ироическая драма“,—и посвятила ее митрополиту Гивріилу. Другая княгиня В. Голицына—мать семерыхъ уже сыновей—посвятила своему мужу переводъ (съ французскаго): „Заблужденія отъ любви“, а Нилова перевела: „Заблужденія разсудба“—философскій романъ въ 7 частяхъ, доставившій ей извѣстность даже внѣ Россіи. Двѣ сестры—княжны Волконскія сдѣлали переводъ: „Разсужденія о разныхъ предметахъ природы, художествъ и наукъ“. Узнавъ объ этомъ переводѣ незадолго до своей смерти, Фонъ-

Визинъ, говорятъ, выразилъ сожалѣніе, что „при изображеніи своей послѣдней Софіи мало задалъ ей учености“. А. П. Хвостова сдѣлала переводъ: „Каминъ“, „Ручеекъ“ и др. Въ 1796 году Ручеекъ вышелъ отдѣльной книгой въ количествѣ 2400 экземпляровъ и въ *одинъ* годъ разошелся. А Хераскова—эта „россійская де-ла Сюза“ (фр. поэтесса XVII вѣка), Урусова, которую Державинъ называетъ „славною стихотворицей“? и др.. Поэтому, не совсѣмъ не правъ былъ Державинъ, пиша Хераскову: „У насъ и Талія, и Мельпомена, свои Θεокриты, свои Сафо, все, все“... Этихъ „Талій“ и „Мельпоменъ“ было до 70 душъ въ царствованіе Екатерины II. Итакъ *начало дѣлу было положено и начало—прочное*. Преемникамъ Екатерины оставалось продолжать начатое, и они продолжали. Особенно дороги памяти русскаго народа три вѣнценосныя особы по участию въ женскомъ образованіи: Марія Θεодоровна—этогъ „идеаль монаршей благотворительности“, управлявшая Маріинскимъ и Екатерининскимъ институтами 32 года (съ 1796—1828 г.) (какъ и Екатерина II: съ 1764—96 г.), Александра Θεодоровна тоже 32 года (съ 1828—60 г.) и Марія Александровна (по 1880 г.).

Просвѣщеніе наше -- вообще дѣло 19 вѣка. Особенно же обязано оно гуманнѣйшему и просвѣщеннѣйшему незабвенному Монарху нашему Царю-Освободителю. Не въ «рѣчи» вмѣстить Его дѣла, мало и книги цѣлой.... Геній мира и христіанской любви въ возвышеннѣйшемъ значеніи этого слова, онъ только и заботился о воссозданіи русскихъ людей на этихъ высокихъ началахъ. Были призваны къ этому великому дѣлу земства и общества, и—въ какіе нибудь два десятка лѣтъ не десятками, а сотнями школь и училищъ украсилась русская старина съ конца въ конецъ. Не забыта была и жен-

щина: ея общему и спеціальному образованію даны такі богатя средства, такой широкій просторъ, о воторъ она и думать не могла прежде. Ограничиваясь одними институтами да пансіонами, да еще 4-мя духовными женскими училищами (въ Царскомъ Селѣ, Ярославѣ, Казани и Иркутскѣ), оно подъ благодѣющей десницей Александра II развилось въ стройную вѣрпкую систему. Въ настоящее время у насъ 313 министерскихъ гимназій и прогимназій; 48 духовныхъ училищъ, 60 институтовъ, гимназій и имъ подобныхъ заведеній вѣдомства Императрицы Маріи; сверхъ сего, болѣе 200 частныхъ заведеній. Для подготовки учительницъ существуютъ педагогическіе курсы и семинаріи; есть также школы для образованія акушеровъ, фельдшерницъ, «дѣтскихъ садовницъ», и др. Въ среднихъ и низшихъ школахъ обучается до 560 тысячъ однѣхъ дѣвочевъ. Хотя правительство наше ежегодно издерживаетъ на одно среднее женское образованіе 3 милліона, однако годъ отъ году замѣчается въ училищахъ женскихъ переполненность. Чтобы судить о быстротѣ развивающагося у насъ запроса на образованіе среди женщинъ, достаточно привести слѣдующую статистическую дату: въ 1864 году въ женскихъ гимназіяхъ было до 10 т., а въ 1885 году болѣе 55 т. учащихся!.. За дальнѣйшій успѣхъ женскаго образованія ручается высокое положеніе женщины въ Россіи, какимъ она не пользуется и на западѣ: наша женщина имѣетъ не только имущественныя права, но и голосъ въ *земствъ и думъ*; пользуется не только среднимъ, но и высшимъ образованіемъ; занимаетъ казенныя мѣста—учительницъ, фельдшерницъ, врачей, телеграфистокъ. Положеніе это она заслужила дѣльностью и талантливостью въ наукахъ и искусствахъ, а также самоотверженностью въ служеніи страждущему человѣчеству (сестры-милосердія).

Дай только, Господи, чтобы въ своемъ историческомъ шествіи, вѣрная завѣтамъ родной старины, наша жепщина создавала свое будущее на сихъ, начертанныхъ 10 мая 1860 года рукою нашего незабвеннаго Монарха, началахъ: *для будущей супруги и матери необходимо религіозно-нравственное и умственное воспитаніе*. Эти же начала не словами, а вещами начертаны и на страницахъ нашей древне-русской исторіи: въ нихъ ея историческая жизнь и сила; съ ними только, усвоенными въ плоть и кровь, возможно бодрое и радостное шествіе въ жизни, разумное пониманіе путей охраняющаго насъ Промысла, и, какъ плодъ этого, разумное внутреннее спокойствіе и довольство, т. е. наше *счастье!*...

Петръ Поповъ.

Пятидесятилѣтній юбилей священника Николаевской церкви мѣстечка Новыхъ Сенжарь, Кобелякского уѣзда, Іоанна Евстафіева.

26-го октября истекшаго 1890 года духовенство 4-го благочинническаго округа Кобелякского уѣзда праздновало пятидесятилѣтіе служебной дѣятельности своего духовника, священника Іоанна Григорьевича Евстафіева. Къ духовенству примкнули въ этомъ праздникѣ его настоящіе прихожане, коимъ онъ прослужилъ ровно полвѣка, и бывшіе его прихожане, въ настоящее время вошедшіе въ число прихожанъ Петро-Павловской церкви села Солонцовъ.

О. Іоаннъ Евстафіевъ—сынъ священника м. Новыхъ Сенжарь; учился и окончилъ курсъ въ Полтавской духовной семинаріи студентомъ въ іюнь 1839 года. Рукоположенъ въ санъ священника 26 октября 1840 года. Въ 1868 году уступилъ приходъ сыну своему, но, за

смертію его въ 1869 году, снова опредѣленъ былъ штатнымъ священникомъ. За усердную и полезную свою дѣятельность получалъ въ разное время разныя награды. Съ 1880 года состоитъ духовникомъ для духовенства благочинія, а съ 1884 года — законоучителемъ Ключово-Зачишиловскаго земскаго училища.

На благочинническомъ съѣздѣ духовенства, бывшемъ почти за три мѣсяца до юбилейнаго дня, къ предложенію мѣстнаго благочиннаго-почтить полувѣковую дѣятельность духовника О. Евстафіева, окрестное духовенство отнеслось сочувственно, устроилась подписка, предложень адресъ отъ духовенства и рѣшено — поднести почтенному юбиляру образъ Святителя Николая.

Юбилейное торжество началось служеніемъ всенощной въ церкви юбиляра еще наканунѣ юбилейнаго дня, куда прибылъ и мѣстный благочинный, съ хорошимъ хоромъ пѣвчихъ своей церкви, и нѣкоторые священники того благочинія. Въ самый же день юбилейнаго праздника литургія совершена была семью священниками при пяти діаконахъ. По окончаніи литургіи и выходѣ священно-служителей на средину церкви (въ числѣ 10-ти священниковъ и 5-ти діаконѣвъ), мѣстный благочинный о. П. Киріевъ, обратившись къ юбиляру, передалъ ему въ короткихъ словахъ благословеніе Архипастыря. Затѣмъ членъ благочинническаго совѣта, священникъ Сидоренко, прочиталъ адресъ отъ духовенства, а депутатъ благочинія, священникъ Бабыревъ, вручилъ юбиляру образъ Святителя Николая прекрасной работы, пріобрѣтенный на средства духовенства. Юбиляръ съ благоговѣніемъ приложился къ образу и принялъ его съ благодарностію. Послѣ этого сослуживецъ юбиляра священникъ Голобородько прочиталъ ему адресъ отъ прихожанъ юбиляра, а уполномоченный прихожанами вручилъ

юбиляру образъ Святителя Іоанна Златоустаго (соименный святой юбиляра), сооруженный на средства прихожанъ. Юбиляръ приложилъ и къ этому образу и, принимая, сказалъ: „благодарю васъ, добрые мои прихожане, за память обо мнѣ“. Затѣмъ бывшій сослуживецъ юбиляра, а нынѣ священникъ Петро-Павловской церкви села Солонцовъ о. Гонтаровскій, прочиталъ адресъ отъ себя и бывшихъ прихожанъ юбиляра, при чемъ уполномоченный прихожанами, волостной старшина Сепѣтый, поднесъ юбиляру образъ Христа Спасителя. Послѣ этого совершенно было благодарственное молебствіе, съ обычнымъ въ сихъ случаяхъ многолѣтіемъ.... — На дому почтеннаго о. Іоанна привѣтствовали его родные, духовенство и почетные гости.

Священникъ *Димитрій Сачавецъ*.

А Д Р Е С Ъ

Отцу Іоанну Евстафіеву отъ духовенства 4-го благочинническаго округа Кобелякснаго уѣзда.

Многоуважаемый и досточтимый

О. Іоаннъ!

Сегодня исполнилось пятьдесятъ лѣтъ служенія Твоего въ священническомъ санѣ. Въ сей-то благознаменательный для Тебя день мы, съ разрѣшенія нашего Архипастыря, собрались привѣтствовать Тебя съ такою рѣдкою милостію Божіею и принести Тебѣ достойную дань уваженія и признательности.

Пятьдесятъ лѣтъ Ты состоялъ священникомъ на одномъ приходѣ, и, думается, не погрѣшимъ, если скажемъ, что Ты на сіе святое дѣло посвящаль всѣ свои силы. Всѣ видѣли и видять въ Тебѣ скромнаго, усерднаго

трудолюбиваго и исполнительнаго дѣятеля на нивѣ Христовой. Мы знаемъ, что и Твоя жизнь не всегда была счастлива,—были у Тебя неудачи семейныя и огорченія служебныя; но Ты не падалъ духомъ, а несъ крестъ свой съ подобающимъ смиреніемъ и покорностію волѣ Божіей. Въ этомъ случаѣ Ты служишь намъ живымъ урокомъ мудрой жизни, и наша обязанность благо разумно воспользоваться имъ. Кромѣ этого, состоя десять лѣтъ нашимъ духовникомъ, Ты молился и молишься у престола всевышняго и за наше недостоинство

Какъ знакъ нашего къ Тебѣ уваженія и нашихъ искреннихъ чувствъ, прими отъ насъ сей образъ Святителя Христова Николая, въ храмъ котораго Ты неизмѣнно прослужилъ полвѣка. Пусть Онъ будетъ для Тебя постояннымъ памятникомъ Твоего долготѣннаго и полезнаго служенія церкви Христовой, а изображенный на немъ Угодникъ Божій до конца дней Твоихъ молитвенникомъ и ходатаемъ Твоимъ у престола Всевышняго.

Слѣдуютъ подписи.

А Д Р Е С Ъ

отъ причта и прихожанъ Петро-Павловской церкви села Солонцевъ, Нобелякского уѣзда, по тому же случаю.

Глубокоуважаемый О. Іоаннъ!

Почти 50 лѣтъ приходъ, нынѣ вѣреннѣйшій мнѣ, находился подъ Вашимъ руководствомъ и водительствомъ; добрая половина моихъ прихожанъ выросли на Вашихъ глазахъ, Вами крещены и духовно Вами воспитаны, и, насколько я знаю ихъ, всѣ они съ особеннымъ уваженіемъ вспоминаютъ о Васъ, о Вашей простой благочестивой жизни, о Вашей трудовой, полной силъ и энер-

ліи, молодости, о Вашей отеческой строгости по отноше-
 шенію къ нимъ, а нѣкоторые съ благодарностію вспо-
 минають и то, какъ Вы, въ минуту ихъ особенной
 нужды, безмездно оказывали имъ посильную матеріаль-
 ную помощь. Видно Вы были для нихъ пастыремъ
 добрымъ и оставили по себѣ незабвенную память. И я,
 пять лѣтъ прослуживши вмѣстѣ съ Вами въ одномъ
 приходѣ и близко зная Васъ, какъ своего духовника и
 руководителя, могу засвидѣтельствовать, что такое рас-
 положеніе къ Вамъ Вами вполнѣ заслужено.

Примите же въ этотъ знаменательный день Вашей
 жизни сей святой образъ Господа и Спасителя нашего,
 какъ знакъ нашей общей привязанности и уваженія къ
 Вамъ. Отъ души желаемъ и молимъ Господа, чтобы
 Онъ поддержалъ и укрѣпилъ Ваши старческія силы и
 умножилъ еще лѣта живота Вашего.

Слѣдуютъ подписи.

Годовщина общества трезвости въ м. Устивицѣ.

Въ мѣстечкѣ Устивицѣ, Миргородскаго уѣзда, общество
 трезвости, образовавшееся со дня новаго 1890 года, въ
 день же новаго сего 1891 года праздновало свою
 годовщину. Въ два часа дня, по благовѣсту колокола
 въ Успенской церкви, мѣстное духовенство собралось въ
 эту церковь, которая заранѣе была уже полна народомъ.
 Три мѣстные священника и два діакона облачились въ
 праздничныя ризы. Затѣмъ, по благословенію предсто-
 ятеля, о. Благочиннаго Сокальскаго, начать молебень и
 акаѳистъ Покрову Божіей Матери. По отпустѣ, предъ
 многолѣтіемъ Государю Императору и всему Царствую-

щему Дому, Св. Синоду, Преосвященному Иларіону, всѣмъ, во благонамѣреніи, исполнившимъ добрый и святой обѣтъ трезвости и всѣмъ предстоящимъ и молящимся,—вмѣсто обычнаго церковнаго собесѣдованія, которое ведется здѣсь во всѣ воскресные и великопраздничные дни съ прошлаго 1890 года,—въ данномъ случаѣ сказана была, соотвѣтствующая дню годовщины общества трезвости, рѣчь священникомъ Успенской церкви Акимомъ Станиславскимъ, который въ заключеніе рѣчи сдѣлалъ энергическій призывъ обществу къ пожизненной трезвости, какъ устоявшему, съ помощію Божіею, въ данномъ годовомъ обѣтѣ, и тутъ же, во всемъ облаченіи, первый положилъ предъ иконою Покрова Божіей Матери три земныхъ поклона и, приложившись къ иконѣ, всенародно объявилъ себя давшимъ обѣтъ отреченія отъ всякихъ спиртныхъ напитковъ на всю свою жизнь; затѣмъ, по совершенномъ окончаніи молебна и по разоблаченіи священнослужителей, давшіе пожизненный обѣтъ трезвости записывались на предложенномъ листѣ, по предварительномъ троекратномъ поклоненіи святымъ иконамъ и лобызаніи честнаго Креста и иконы Покрова Божіей Матери, Которую общество трезвости избрало своею покровительницею.

Мѣстечка Устивицы

Священникъ Николай Сребнишій.

ЗАМѢТКИ.

Объ узаконеніяхъ, касающихся торговли спиртными напитками и права надзора за продажей питей, предоставленнаго церковно—приходскимъ попечительствамъ, братствамъ и церковнымъ совѣтамъ.

Согласно опредѣленію Минскаго Епархіальнаго Начальства, 24/27 августа 1890 г. состоявшемся, печата-

ются нижеслѣдующія статьи изъ устава о питейномъ сборѣ изд. 1887 года, относящіяся до торговли напитками вообще и до раздробительной продажи питей, въ частности, а также до права надзора за продажею питей, предоставлено церковно-приходскимъ попечительствамъ, братствамъ и церковнымъ совѣтамъ и права сельскихъ обществъ постановлять въ извѣстныхъ случаяхъ приговоры о разрѣшеніи открывать въ деревняхъ и селахъ продажу питей, именно:

Ст. 359. Въ губерніяхъ: Кіевской, Подольской, Волынской, Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской, Витебской, Могилевской и Бессарабской въ тѣхъ владѣльческихъ городахъ и мѣстечкахъ, въ коихъ право продажи напитковъ принадлежало до 1863 года исключительно ихъ владѣльцамъ, право сіе сохраняется за ними. Жителямъ означенныхъ городовъ и мѣстечекъ не воспрещается ввозъ въ оныя вина и спирта, а равно приготовляемыхъ изъ нихъ напитковъ, изъ постороннихъ мѣстъ, но только для собственнаго употребленія и не иначе, какъ въ стеклянной посудѣ.

Ст. 363. Евреямъ дозволяется питейная торговля только въ мѣстностяхъ, опредѣленныхъ для постоянной ихъ осѣлости, и притомъ не иначе, какъ въ собственныхъ ихъ домахъ; сидѣльцы—евреи могутъ быть только въ заведеніяхъ своихъ единовѣрцевъ.

Примѣчаніе 1. Отставные нижніе чины изъ евреевъ, поселившіеся на основаніи правилъ объ устройствѣ быта отставныхъ нижнихъ чиновъ внѣ мѣстъ, дозволенныхъ вообще для осѣлости евреевъ, не пользуются въ сихъ мѣстахъ правомъ питейной торговли.

Примѣчаніе 3. Указомъ Правительствующаго Сената въ разъясненіи сей (363) статьи опредѣлено:

1) въ чертѣ городовъ и мѣстечекъ евреямъ дозволяется питейная торговля въ домахъ, построенныхъ на землѣ, прибрѣтенной ими въ собственность и послѣ 3 мая 1882 года; 2) внѣ черты городовъ и мѣстечекъ евреи могутъ производить питейную торговлю въ собственныхъ домахъ, на собственной землѣ построенныхъ, прибрѣтенныхъ ими до 3 мая 1882 года по всякимъ актамъ укрѣпленія или по судебному рѣшенію; 3) право производить питейную торговлю въ собственныхъ домахъ и на собственной землѣ можетъ переходить къ евреямъ, унаслѣдовавшимъ таковыя имущества и послѣ 3 мая 1882 г. въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ имъ дозволено проживать или вновь селиться; 4) въ удостовѣреніе принадлежности еврею дома и земли, на которыхъ онъ желаетъ производить питейную торговлю, долженъ быть представленъ актъ о ввѣдѣ его таковымъ имуществомъ во владѣніе, при чемъ самый ввѣдъ во владѣніе можетъ быть совершенъ и послѣ 3 мая 1882 г., если право собственности на имущество прибрѣтено ранѣе этого времени; 5) евреи не имѣютъ права производить питейную торговлю въ домахъ и на землѣ, принадлежащихъ имъ на правѣ пожизненнаго или чиншеваго владѣнія.

Ст. 365. Вино и спиртъ, при храненіи въ заводскихъ подвалахъ, оптовыхъ складахъ и мѣстахъ раздробительной торговли, а также при продажѣ изъ означенныхъ мѣстъ, должны имѣть крѣпость не ниже сорока градусовъ по спиртомѣру Траллеса, или по миталическому спиртомѣру.

Ст. 374. Въ мѣстахъ оптовой и раздробительной торговли, продажа водочныхъ издѣлій, выпущенныхъ съ

заводовъ безъ оклейки бандеролями, можетъ быть произвѣдима на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) мѣста оптовой торговли, при продажѣ этихъ издѣлій, должны выдавать провозныя свидѣтельства тѣмъ же порядкомъ, какой указанъ въ пунктѣ 2 статьи 337, а къ издѣліямъ, выпускаемымъ въ боченкахъ, мѣрою отъ одного до трехъ ведеръ, прилагать и самыя пробы, выданныя съ заводовъ; 2) перепродажа означенныхъ издѣлій изъ одного мѣста раздробительной торговли въ другое не дозволяется; 3) для расшивочной продажи упомянутыя издѣлія должны быть наливаемы изъ той посуды, въ которой они вышущены съ завода, и при томъ, при продажѣ изъ боченковъ, не иначе, какъ изъ подъ крана, съ сохраненіемъ на втулкѣ боченка заводской печати до окончательной распродажи заключающагося въ боченкѣ издѣлія.

Ст. 375. Водочныя издѣлія въ мѣстахъ какъ оптовой, такъ и раздробительной продажи, должны быть хранимы въ той посудѣ, въ которой вышущены изъ завода или изъ таможи.

Ст. 376. За исключеніемъ случаевъ, указанныхъ въ статьѣ 377, воспрещается держать въ мѣстахъ продажи напитковъ оклеенныя бандеролями издѣлія въ раскупоренной посудѣ, или въ посудѣ съ разорванными бандеролями, а также имѣть порожнюю посуду отъ сихъ издѣлій съ неснятыми бандеролями.

Ст. 377. Продажа оклеенныхъ бандеролями водочныхъ издѣлій изъ раскупоренной посуды дозволяется только въ буфетахъ при клубахъ, театрахъ, общественныхъ гуляньяхъ, на пароходахъ и на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, а также въ трактирныхъ заведеніяхъ, уплачивающихъ по трактирной раскладкѣ патентнаго сбора: въ мѣстностяхъ перваго и втораго разрядовъ не менѣе назначеннаго для сихъ мѣстностей по росписанію, а въ

городахъ, отнесенныхъ по патентному сбору къ третьему разряду, — не менѣе установленнаго для мѣстностей втораго разряда, и при томъ не иначе, какъ изъ стеклянной и глиняной посуды, размѣромъ не болѣе одной десятой ($\frac{1}{10}$) части ведра, въ которой издѣлія выпущены съ завода или изъ таможни. Въ губерніяхъ царства Польскаго, въ мѣстностяхъ, отнесенныхъ по патентному сбору къ первому и второму разрядамъ, и въ губерніяхъ Прибалтійскихъ, означенная продажа разрѣшается, на тѣхъ же основаніяхъ, всѣмъ заведеніямъ съ расщипочною торговлею крѣпкими напитками.

Ст. 412. Жалобы на постановленія Городскихъ Думъ и уѣздныхъ Присутствій по питейнымъ дѣламъ приносятся губернскому Присутствію въ двухнедѣльный срокъ со времени объявленія упомянутыхъ постановленій.

Ст. 413. Заведенія для раздробительной продажи крѣпкихъ напитковъ вообще могутъ быть открываемы только въ мѣстахъ населенныхъ. Постоялые дворы или корчмы могутъ быть открываемы и въ ненаселенныхъ мѣстахъ, но не иначе, однако, какъ на переправахъ, пристаняхъ, и проѣзжихъ дорогахъ (Уст. пут. сообщ., ст. 10), причемъ на проселочныхъ и полевыхъ дорогахъ раздробительная питейная продажа можетъ быть допускаема лишь по уваженію особыхъ мѣстныхъ условій, съ утвержденія губернскаго Присутствія.

Ст. 414. Не дозволяется открывать заведенія съ раздробительною продажей крѣпкихъ напитковъ, за исключеніемъ трактирныхъ заведеній, содержимыхъ по гильдейскимъ свидѣтельствамъ (полож. трактирн., изд. 1886 г., ст. 8), ближе сорока сажень отъ дворцовъ Императорской Фамиліи и зданій Императорскихъ театровъ. Равнымъ образомъ не дозволяется открывать означенныя заведенія, кромѣ пивныхъ лавокъ, ближе сорока сажень

отъ храмовъ, монастырей, часовень (въ коихъ совершаются богослуженіе или какія либо общественныя молитвословія), молитвенныхъ домовъ, мечетей, кладбищъ, а также отъ зданій, занимаемыхъ казармами, тюрьмами, учебными заведеніями, больницами и богадѣльнями, отъ волостныхъ правленій и этапныхъ домовъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда поименованныя учрежденія помѣщаются не въ наемныхъ, а въ особыхъ постоянныхъ помѣщеніяхъ казенныхъ, общественныхъ, или принадлежащихъ имъ въ собственность.

Ст. 415. Пивныя лавки воспрещается открывать ближе двадцати сажень отъ храмовъ, монастырей и часовень, если въ сихъ послѣднихъ совершается богослуженіе, или какія либо общественныя молитвословія, а также въ самыхъ зданіяхъ, въ коихъ помѣщаются учрежденія, поименованныя въ предшедшей (414) статьѣ.

Ст. 416. Определенныя въ предшедшихъ (414 и 415) статьяхъ разстоянія исчисляются для зданій, обнесенныхъ оградами, — отъ оградъ, а для прочихъ — отъ ближайшей къ заведенію части зданія, до входа въ заведеніе. Означенныя разстоянія могутъ быть, по особо уважительнымъ мѣстнымъ условіямъ, увеличиваемы или уменьшаемы для отдѣльныхъ заведеній, по представленіямъ уѣздныхъ Присутствій и Думъ, губернскими по питейнымъ дѣламъ Присутствіями, съ утвержденія Министра Финансовъ. Возникающіе относительно порядка измѣренія разстояній споры разрѣшаются уѣздными Присутствіями или Думами, по принадлежности.

Ст. 419. Запрещается въ городахъ отърывать заведенія съ продажею крѣпкихъ напитковъ, кромѣ трактирныхъ заведеній, содержимыхъ по гильдейскимъ свидѣтельствамъ, въ рынкахъ и торговыхъ рядахъ, а внѣ городовъ — при мельницахъ, на которыхъ производится

помоль зерна не исключительно для домашней надобности.

Ст. 424. Согласіе на открытіе заведеній для раздробительной продажи напитковъ изъясняется: 1) на земляхъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ, владѣльцами земель; 2) на земляхъ, находящихся въ непосредственномъ вѣдѣніи Кабинета Его Императорскаго Величества, Удѣловъ, Министерства Государственныхъ Имуществъ и другихъ вѣдомствъ—Кабинетомъ Его Величества, удѣльными конторами и мѣстными установленіями подлежащихъ вѣдомствъ, по принадлежности; 3) на земляхъ церковныхъ и монастырскихъ— мѣстнымъ епархіальнымъ начальствомъ, и 4) въ селеніяхъ— владѣльцами усадебъ, которые не обязаны испрашивать дозволенія на то сельскихъ сходовъ.

Ст. 427. Содержателями заведеній для раздробительной продажи напитковъ, а также приказчиками и сидѣльцами въ нихъ не могутъ быть: 1) лица, состоящія подъ слѣдствіемъ или судомъ за преступныя дѣйствія, предусмотрѣнныя статьями 169 и 177 устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями (изд. 1885 г.), или влекущія за собою ограниченіе или лишеніе правъ, а также лица, подвергшіяся наказаніямъ, или не оправданныя судебными приговорами по обвиненію въ такихъ преступныхъ дѣйствіяхъ; 2) лица, исключенныя или удаленныя изъ общества установленнымъ порядкомъ; 3) лица, состоящія по судебнымъ приговорамъ подъ полицейскимъ надзоромъ; 4) лица, осужденныя за пріятіе завѣдомо краденныхъ вещей въ закладъ или въ промѣнъ,—въ теченіе пяти лѣтъ со времени осужденія; 5) лица, осужденныя во второй разъ за проступки, предусмотрѣнныя въ статьяхъ 612 и 613, и въ третій разъ—за проступки, указанные въ статьѣ 615, въ теченіе трехъ лѣтъ со времени послѣдняго осужденія.

Ст. 428. Содержаніе заведеній для раздробительной торговли напитками внѣ городскихъ поселеній, сверхъ лицъ, указанныхъ въ статьѣ 427, не дозволяется: 1) должностнымъ лицамъ волостнаго и сельскаго управленій; 2) письмоводителямъ мировыхъ посредниковъ и лицъ, перечисленныхъ въ статьяхъ 400, 402, 404 и 405; 3) мѣстнымъ церковнымъ старостамъ, и 4) женамъ и неотдѣленнымъ членамъ семействъ лицъ, упомянутыхъ въ сей статьѣ.

Ст. 429. Приказчиками и сидѣльцами въ заведеніяхъ для раздробительной продажи напитковъ, независимо отъ лицъ, указанныхъ въ статьяхъ 427 и 428, также не могутъ быть лица, не достигшія двадцати одного года.

Ст. 430. Уѣздному Присутствію предоставляется не допускать къ открытію заведеній для распивочной продажи напитковъ, а также къ исполненію обязанностей приказчиковъ и сидѣльцевъ во всякаго рода заведеніяхъ съ раздробительной продажей, лицъ, отъ которыхъ, по имѣющимся свѣдѣніямъ, нельзя ожидать правильнаго и согласнаго съ интересами народной нравственности производства торговли. Постановленія Присутствій по сему предмету не подлежатъ обжалованію.

Ст. 431. Въ каждомъ заведеніи съ питейною продажей, въ которомъ не торгуетъ самъ содержатель, долженъ быть отвѣтственный приказчикъ или сидѣлецъ. О томъ, кто состоитъ приказчикомъ или сидѣльцемъ въ заведеніи, а равно о каждой перемѣнѣ этихъ лицъ, содержатели заведеній обязаны безъ замедленія заявлять Городскимъ Думамъ или уѣзднымъ Присутствіямъ, по принадлежности. Названнымъ учрежденіямъ предоставляется устранять означенныхъ лицъ отъ производства питейной торговли по своему усмотрѣнію.

Ст. 438. Виноторговцамъ и сидѣльцамъ воспрещается продавать распивочно вино и другіе крѣпкіе напитки малолѣтнимъ и видимо пьянымъ. Воспрещается также допускать покупателей напиваться до безпамятства; но если бы сіе случилось, то такое лицо не можетъ быть оставлено безъ присмотра и помощи до вытрезвленія, что и лежитъ на обязанности виноторговца или сидѣльца.

Ст. 439. Въ заведеніяхъ для раздробительной торговли напитками должны быть соблюдаемы чистота и опрятность. Въ нихъ не допускаются распутныя женщины, не дозволенныя увеселенія, игры, безчинства и безпорядки.

Ст. 440. Надзоръ за правильнымъ производствомъ раздробительной торговли крѣпкими напитками возлагается: 1) на мѣстныя Присутствія по дѣламъ о питейной торговлѣ и на Городскія Думы, по принадлежности, 2) на Акцизныя Управленія и 3) на полицію.

Ст. 441. Общества трезвости, приходскія попечительства и братства, церковныя совѣты, а также частныя лица, которыя пожелаютъ содѣйствовать обнаруженію допускаемыхъ виноторговцами нарушеній, могутъ заявлять о такихъ нарушеніяхъ учрежденіямъ и лицамъ, на коихъ возложенъ надзоръ за производствомъ питейной торговли.

Ст. 445. Для открытія въ городахъ заведеній, производящихъ торговлю исключительно на выносъ, требуется только взятіе установленныхъ патентовъ.

Ст. 449. При открытіи заведеній для раздробительной продажи напитковъ внѣ городскихъ поселеній, уѣздному Присутствію предоставляется, соображаясь съ мѣстными условіями, не допускать излишняго числа такихъ заведеній, съ соблюденіемъ при томъ установленныхъ ниже правилъ (ст. 450—462).

Ст. 450. Питейная продажа въ трактирныхъ заведеніяхъ, а также въ постоялыхъ дворахъ или корчмахъ, не можетъ быть воспрещаема въ селеніяхъ, имѣющихъ не менѣе пяти тысячъ наличныхъ душъ обоюго пола, а изъ селеній съ меньшимъ населеніемъ— во всѣхъ базарныхъ, торговыхъ, промышленныхъ и фабричныхъ селахъ, а также при станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, у приставей и перевозовъ большихъ рѣкъ, на проѣзжихъ трактахъ и вообще въ мѣстахъ значительнаго скопленія или проѣзда постороннихъ людей. Трактирныя заведенія, а также постоялыя дворы или корчмы безъ питейной продажи могутъ быть открываемы повсемѣстно, порядкомъ, установленнымъ въ Положеніи о трактирныхъ заведеніяхъ (Пол. трактирн., изд. 1886 г., ст. 61—78).

Ст. 454. Сельскимъ обществамъ селеній, не подходящихъ подъ условія, указанныя въ статьѣ 450, предоставляется ходатайствовать о неразрѣшеніи въ чертѣ усадебной осѣдлости ихъ селеній какъ раздробительной питейной продажи вообще, такъ и одной только распивочной продажи.

Ст. 455. Приговоры о неразрѣшеніи питейной продажи въ чертѣ усадебной осѣдлости селеній составляются на три года и представляются уѣздному Присутствію въ установленныя имъ для этого сроки.

Ст. 456. Сельскимъ обществамъ и всѣмъ вообще владѣльцамъ, не желающимъ допускать питейной продажи на своихъ земляхъ, предоставляется, при заявленіи о томъ Присутствію, ходатайствовать о неразрѣшеніи такой продажи и на близкомъ отъ нихъ разстояніи. Въ удовлетвореніе такихъ ходатайствъ Присутствіе можетъ не допускать питейной продажи на земляхъ сосѣднихъ владѣльцевъ, на разстояніи до ста сажень отъ усадебной осѣдлости упомянутыхъ обществъ и владѣль-

цевъ, если въ разстояніе это не входятъ мѣстности, указанные въ статьѣ 450.

Ст. 457. Присутствіе можетъ отказывать въ удовлетвореніи означенныхъ въ статьѣ 454 ходатайствъ, если заявившія ихъ селенія имѣютъ болѣе пятисотъ наличныхъ душъ обоого пола, или представленныя ими ходатайства, по имѣющимся свѣдѣніямъ, не вызываются стремленіемъ противодѣйствовать развитію пьянства.

Ст. 458. Состоявшіяся въ Присутствіи, по ходатайствамъ сельскихъ обществъ и частныхъ владѣльцевъ, постановленія о разрѣшеніи или неразрѣшеніи питейной продажи на ихъ земляхъ сохраняютъ силу въ теченіе трехъ лѣтъ и не могутъ подлежать отмѣнѣ по заявленнымъ отъ тѣхъ же обществъ или владѣльцевъ новымъ ходатайствамъ.

Ст. 459. Разрѣшенія на открытіе заведеній для раздробительной торговли напитками не ограничиваются какимъ либо срокомъ. Содержатели разрѣшенныхъ заведеній устраняются отъ торговли въ нихъ, а заведенія подлежатъ закрытію только въ случаяхъ, указанныхъ въ законѣ (по судебнымъ приговорамъ или постановленіямъ административнымъ). Кроме того, заведенія закрываются въ селеніяхъ, гдѣ послѣдуетъ воспрещеніе питейной продажи по ходатайствамъ о томъ сельскихъ обществъ.

Ст. 481. Производство раздробительной торговли напитками разрѣшается съ семи час. утра, въ селеніяхъ— до десяти, а въ городахъ— до одиннадцати часовъ вечера. Означенная торговля воспрещается во время крестныхъ ходовъ, а въ воскресные и табельные дни— до окончанія Божественной литургіи. Сельскимъ обществамъ предоставляется постановлять мірскіе приговоры о воспрещеніи питейной торговли и въ другіе, чтимые Церковью, дни. Равнымъ образомъ такая торговля запре-

щается въ селеніяхъ, гдѣ происходятъ волостные и сельскіе сходы, до окончанія оныхъ. Изложенныя ограниченія не распространяются на гостинницы, станціонныя дома, буфеты и на постоянные дворы или корчмы, (Минскъ Епарх. Вѣдом. № 24-й 1890 г.)

О раздѣлѣ проскомидійнаго дохода между всеми членами причта.

Хотя въ законѣ такъ называемый проскомидійный доходъ и не упоминается прямо въ числѣ такихъ причтовыхъ доходовъ, которые должны составлять вознагражденіе церковныхъ причтовъ въ цѣломъ ихъ составѣ и дѣлиться между всѣми членами ихъ, и хотя почти повсемѣстная практика до сего времени проскомидійный доходъ обращала въ пользу однихъ только священнослужителей, какъ совершителей чина проскомидіи, псаломщиковъ же совершенно устраняла отъ пользованія имъ на томъ основаніи, что они не участвуютъ въ означенномъ священнодѣйствіи; тѣмъ не менѣе, принимая во вниманіе: 1) что проскомидія ни въ какомъ случаѣ не можетъ разсматриваться, какъ служба отдѣльная отъ литургіи, въ которой она составляетъ одну только первую часть, и что поэтому не представляется никакихъ достаточныхъ основаній отдѣлять доходы проскомидійные отъ доходовъ вообще литургійныхъ, которые безспорно должны подлежать раздѣлу между всѣми членами причтовъ, такъ какъ въ совершеніи литургіи вообще они принимаютъ участіе всѣ безъ исключенія; 2) что, по § 2 Высочайше утвержденныхъ 24-го марта 1873 года правилъ о мѣстныхъ средствахъ содержанія православна приходскаго духовенства и о раздѣлѣ сихъ средствъ

между членами причтовъ, оставшемуся безъ всякаго измѣненія и при возстановленіи въ составъ приходскихъ причтовъ діаконскихъ вакансій, всѣ причтовые доходы, получаемые отъ прихожанъ, раздѣляются только на два рода: а) составляющіе личное вознагражденіе или одного священника, за исполненіе исключительно его званію принадлежащихъ требъ, или одного изъ низшихъ членовъ причта, за отправленіе свойственныхъ ихъ званію обязанностей, и б) составляющіе вознагражденіе причта въ цѣломъ его составѣ за исправленіе такихъ церковныхъ или приходскихъ требъ, которыя, по принятому порядку, совершаются священникомъ съ низшими членами причта, хотя бы въ дѣйствительности кто-либо изъ нихъ, по какимъ нибудь обстоятельствамъ иногда и не принималъ участія въ исправленіи подобной требы; никакого же третьяго рода причтовыхъ доходовъ, которые бы обращались въ пользу нѣсколькихъ членовъ причта (напр. однихъ священнослужителей), а не всѣхъ и не одного означеннымъ § 2 помянутыхъ правилъ не установлено, — Казанская духовная консисторія разослала циркулярные указы всѣмъ благочиннымъ церквей епархіи съ предписаніемъ сдѣлать распоряженіе среди подвѣдомственнаго имъ духовенства, чтобы на будущее время деньги, получаемыя при совершеніи проскомидіи, какъ и всѣ вообще причтовые доходы, собираемые при совершеніи литургіи, опускались въ братскую кружку и, по истеченіи каждаго мѣсяца, дѣлились между всѣми членами причта на основаніи существующихъ узаконеній (Изв. по Каз. еп. 1890 г., № 17)

*Распоряженіе противъ бранныхъ и неприличныхъ
словъ.*

Московскій оберъ-полиціймейстеръ отдалъ слѣдующій приказъ по ввѣренной ему полиціи: «По уставу о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, ст. 263, изд. 1876 года, на полицію возложено наблюденіе, чтобы бранныя и неприличныя слова въ общественномъ мѣстѣ и при людяхъ благородныхъ и женскомъ полѣ отнюдь употребляемы не были. По рѣшенію же уголовного кассационнаго департамента правительствующаго сената 1872 г. № 829 произнесеніе въ публичномъ мѣстѣ бранныхъ и неприличныхъ словъ, хотя бы и не обращенныхъ ни къ кому лично, отнесено къ проступку, предусмотрѣнному ст. 38 устава о наказ. налаг. мир. суд. Между тѣмъ на улицахъ и площадяхъ, въ присутствіи публики, безпрестанно слышится всевозможная брань со стороны простонародья и въ особенности ломовыхъ извозчиковъ. Участвовавшимъ приставамъ предписывается внушить околоточнымъ надзирателямъ и всѣмъ городовымъ обращать особое вниманіе на лицъ, произносящихъ бранныя и неприличныя слова на улицахъ и вообще въ публичныхъ мѣстахъ, и привлекать виновныхъ къ законной отвѣтственности въ установленномъ порядкѣ. Хорошо было бы, если бы и въ другихъ мѣстахъ, кромѣ Москвы, сдѣланы были по полиціи подобныя же распоряженія, — а то у насъ какъ будто забыли, что непристойная брань воспрещена закономъ. (Церк. Вѣстникъ).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТЪ ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА.

Государственный банкъ, приступая къ приему 5% банковыхъ билетовъ 2-го выпуска (1861 г.) 3-го десятилѣтія для обмѣна на новые билеты съ купонными листами 4-го десятилѣтія, имѣетъ честь объявить, что обмѣвъ этотъ будетъ производиться на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Билеты могутъ быть представляемы какъ непосредственно въ государственный банкъ въ С. Петербургѣ, такъ и во всѣ конторы и отдѣленія банка, лично или черезъ почту.

2) Владѣльцы билетовъ, живущіе въ С.-Петербургѣ, представляютъ билеты въ 5% отдѣленіе банка, при объявленіяхъ установленной формы, вписывая въ нихъ №№ билетовъ по достоинствамъ и въ послѣдовательномъ порядкѣ.

3) Согласно послѣдовавшему разрѣшенію г. министра финансовъ, взаимѣ представляемыхъ къ обмѣну билетовъ новые билеты будутъ выдаваемы тѣхъ же достоинствъ, но безотносительно къ номерамъ билетовъ 3-го десятилѣтія (за другими номерами).

4) При приемѣ въ конторахъ и отдѣленіяхъ банка билетовъ для обмѣна съ владѣльцевъ ихъ будетъ взимаемо за комиссією по обмѣну по 10 к. съ cadaго листа, безотносительно къ достоинствамъ, и кромѣ того деньги на почтовые расходы въ одинъ путь (по пересылкѣ изъ банка новыхъ билетовъ) по существующему

для частныхъ лицъ почтовому тарифу. При обмѣнѣ билетовъ чрезъ посредство московской, кievской, харьковской или одесской конторъ банка, если билеты будутъ представлены къ обмѣну не позже 1 iюня сего года, взамѣнъ почтовыхъ и комиссионныхъ сборовъ будетъ взимаемо за каждый листъ: 100 р. д. 15 к., 150 р. д. 200 к., 500 р. д. 50 к., 1,000 р. д. 75 к., 5,000 р. д. 2 р. 50 к., 10,000 р. д. 4 р. и 25,000 р. д. 8 р.

5) Билеты, находящiеся на храненiи въ государственномъ банкѣ, его конторахъ и отдѣленiяхъ, какъ выданные на предъявителя, такъ и написанные на имя вкладчиковъ, будутъ обмѣнены безъ особыхъ заявленiй вкладчиковъ, при чемъ билеты, которые окажутся вышедшими въ тиражъ, будутъ оставлены во вкладахъ въ прежнемъ видѣ до полученiя о нихъ распоряженiй со стороны вкладчиковъ; билеты же, написанные на имена другихъ лицъ (не вкладчиковъ) и не снабженные законными бланковыми или передаточными надписями, могутъ быть обмѣнены лишь по особымъ заявленiямъ вкладчиковъ, съ представлениемъ надлежащихъ документовъ о принадлежности ихъ вкладчикамъ или особыхъ заявленiй на имя банка отъ лицъ, на имена которыхъ написаны билеты, съ засвидѣтельствованiемъ подписей этихъ лицъ нотарiальнымъ порядкомъ. За комиссiю по обмѣну билетовъ, находящихъся на храненiи въ банкѣ, будетъ взимаемо по 10 коп. съ каждаго листа, а съ вкладчиковъ конторъ и отдѣленiй банка сверхъ того деньги на почтовые расходы согласно п. 4.

6) Справки о томъ, произведенъ ли обмѣнъ находящихъся во вкладахъ на храненiи билетовъ, какiе должны быть представлены документы для обмѣна не обмѣненныхъ банкомъ билетовъ, не оказалось ли билетовъ (3-го

десятилѣтія), вышедшихъ въ тиражъ, а равно и свѣдѣнія о №№ новыхъ билетовъ могутъ быть получаемы вкладчиками, по представленіи сохранныхъ росписокъ, изъ государственнаго банка и изъ конторъ и отдѣленій съ 1 августа 1891 г.

7) Тѣ вкладчики, которые не пожелаютъ обмѣнить принадлежащіе имъ билеты чрезъ посредство отдѣленія вкладовъ на храненіе или провинціальныхъ конторъ и отдѣленій банка, должны подать о семъ письменныя заявленія по принадлежности: въ банкъ — до 1 апрѣля, а въ конторы и отдѣленія банка до 1 мая текущаго года.

8) Владѣльцы именныхъ билетовъ, представляя билеты къ обмѣну лично, прилагаютъ къ объявленію объ обмѣнѣ и свидѣтельства о личности, а поручающіе высылку своихъ билетовъ по адресу другихъ лицъ, присылаютъ заявленія о семъ съ засвидѣтельствомъ подписи нотаріальнымъ порядкомъ. Отъ постороннихъ лицъ именные билеты, не исключая и тѣхъ случаевъ, когда новые потребуются на прежнія имена, представляются въ банкъ съ законными довѣренностями владѣльцевъ.

9) При именныхъ билетахъ, перешедшихъ къ настоящимъ владѣльцамъ по наслѣдству, судебнымъ постановленіямъ или другимъ актамъ, должны быть представляемы сіи документы, а также удостовѣреніе объ уплатѣ пошлинъ, установленныхъ закономъ 15 іюня 1882 года.

10) Совершеннолѣтніе владѣльцы именныхъ билетовъ, названные въ надписи на билетахъ малолѣтними, должны представить при обмѣниваемыхъ билетахъ засвидѣствованныя копіи метрическихъ свидѣтельствъ о своемъ рожденіи въ удостовѣреніе того, что они достигли совершеннолѣтія

11) При именных билетахъ, представляемыхъ къ обмѣну по порученію владѣльцевъ банками и банкирскими конторами, должны быть прилагаемы заявленія владѣльцевъ на имя государственнаго банка съ засвидѣтельствомъ подписи владѣльцевъ нотаріальнымъ порядкомъ или нотаріальныя довѣренности.

12) Билеты, написанные на имя лицъ, состоящихъ подъ опекою, для обмѣна съ написаніемъ на то же имя могутъ быть представляемы опекунами, съ приложеніемъ указовъ опекунскихъ учрежденій о назначеніи ихъ опекунами.

13) Въ тѣхъ случаяхъ, когда приложенные подлинныя документы требуются обратно, должны быть вмѣстѣ съ ними представляемы, для оставленія при дѣлахъ банка, засвидѣтельствованныя нотаріальнымъ порядкомъ копии.

14) Билеты, находящіеся въ дворянскихъ опекахъ, сиротскихъ судахъ или въ базенныхъ установленіяхъ на храненіи, въ залогъ по подрядамъ, поставкамъ и проч., будутъ обмѣниваемы на общихъ основаніяхъ.

15) Пріемъ къ обмѣну билетовъ въ государственномъ банкѣ, равно выдача новыхъ билетовъ, будутъ производимы ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 до 2 часовъ. Новые билеты будутъ выдаваемы чрезъ 7 дней по представленіи старыхъ; если же окажется возможнымъ, то будетъ назначаемъ менѣе продолжительный срокъ.

16) Въ виду имѣющаго быть въ мартѣ сего года тиража $5^{0}/_{10}$ билетовъ 3 десятилѣтія, обмѣнъ билетовъ, которые будутъ представлены до того времени, будетъ приостановленъ до дня тиража, а затѣмъ выдача новыхъ билетовъ будетъ начата срезъ 4 дня послѣ выпуска тиражной таблицы.

17) Въ пріемѣ билетовъ будутъ выдаваемы именныя контрмарки, которыя не могутъ быть передаваемы другимъ лицамъ.

18) За обмѣнъ билетовъ, представляемыхъ непосредственно въ 5⁰о отдѣленіе банка, лично или чрезъ почту, платы не взимается, почтовые же расходы по высылкѣ новыхъ билетовъ владѣльцамъ по указанному адресу или чрезъ конторы и отдѣленія (въ послѣднемъ случаѣ сверхъ комиссіонной платы по 10 коп. съ листа) обращаются на счетъ владѣльцевъ, которые могутъ присылать на этотъ предметъ наличныя деньги или срочныя купоны.

19) Въ объявленіяхъ объ обмѣнѣ билетовъ, присылаемыхъ въ банкъ по почтѣ, не должны быть помѣщаемы порученія по другимъ операціямъ, какъ напр. размѣнъ билетовъ, покупка и продажа и проч.; такія порученія будутъ оставляемы безъ исполненія.

и 20) Во избѣжаніе задержки въ полученіи съ почты новыхъ билетовъ, владѣльцы оныхъ возможно точнѣе обозначаютъ въ объявленіяхъ какъ свои адреса, такъ и ближайшія почтовыя учрежденія, изъ которыхъ производится выдача денежной корреспонденціи.

Подписаль управляющій *Жуковскій*.

ОТЪ ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА.

Государственный Банкъ имѣетъ честь объявить владѣльцамъ облигацій восточныхъ займовъ:

1) что 28 января 1891 года произведенъ тиражъ облигацій 3-го восточнаго займа;

2) что тиражъ облигацій 1-го восточнаго займа будетъ произведенъ въ февралѣ, а 2-го въ мартѣ 1891 г.;

3) что теченіе процентовъ по вышедшимъ въ тиражъ облигаціямъ будетъ прекращено и капиталъ по нимъ будетъ выплачиваемъ съ слѣдующихъ сроковъ: по 3-му займу съ 1-го мая, 1-му съ 1-го іюня и 2-му съ 2-го іюля.

Управляющій Ю. Жуковскій.

СОДЕРЖАНІЕ: — Поученіе въ день Срѣтенія Господня. — Женское образованіе въ Россіи. — Пятидесятилѣтній юбилей. — Годовщина общества трезвости въ м. Устивицѣ. — Замѣтки. — Объявленія.

Редакторъ, Инспекторъ Семинаріи Д. Орловъ.

Печ. съ разр. мѣстг. Духовной Цензуры 1 марта 1891 г.

Полтава. Типо-Литографія Л. ФРИШБЕРГА.